

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ #5

МЕДИА
КНИГА

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН ГАЛИНА ЧЕРНАЯ

ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ

Андрей Олегович Белянин
Галина Черная
Истории оборотней
Серия «Профессиональный
оборотень», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Рядовые будни сотрудников Базы всегда наполнены чем-то из ряда вон выходящим. Судите сами... Какие личные счеты связывали писателя Гофмана и Крысиного короля? Может ли говорящий кот с двумя университетскими образованиями креститься в православном храме? Какая тайна скрыта в комнате, где властвует Абсолютное Добро? Кто на самом деле виноват в том, что Наполеон проиграл Ватерлоо? Нужны ли дьяволу души безобидных хоббитов и так ли уж они безобидны?

Перед вами тринадцать историй о непростой службе бывшей студентки Алины Сафиной, командора из пробирки Алекса Орлова и их верного толстого спутника кота Профессора (он же Стальной Коготь, он же агент 013, он же Очень Мудрый Зверек и т. д. и т. п.). И пока в мире еще бродит недобитое Зло, для знаменитой команды оборотней всегда найдется работа...

Содержание

История первая	4
История вторая	16
История третья	50
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Андрей Белянин, Галина Черная Истории оборотней

История первая Кот крещеный...

Эта история произошла еще до моего знакомства с Алексом и агентом 013. Неразлучную парочку как-то занесло с очередным заданием в красивый город Харьков. Они ловили распоясавшегося барабашку с оптового рынка на улице Николая Барабашова, как и промышлявший там объект, называвшегося в народе Барабашкой. В смысле Барабашка — это и название рынка, и тот тип, которого они ловили. Хотя сама улица была названа в честь украинского астронома, но вполне возможно, что похожее название и привлекло туда полтергейст. Промышлял он злостным вредительством и мелким хулиганством, портил товар гвоздиком, склеивал импортные ботинки, перешивал бирки с размерами «L» на место бирок «S», подсовывал галстуки не в тон костюмам и прочая, прочая, прочая...

Как я понимаю, это было в начале карьеры моих напарни-

ков. Они тогда брались за любую работу, постепенно набираясь опыта, и к моменту нашей встречи стали уже серьезными профессионалами. А на тот момент их даже оборотнями всерьез не называли...

– От нас не уйдет! – азартно вопил кот, когда им удалось наконец изгнать барабашку с рынка. Но изгнать – это ведь не значит поймать, и они гнались за мелким бесом по старинным городским улицам. Полтергейст вовсю наслаждался погоней, петлял и верещал, ни на секунду не веря в то, что его действительно поймают...

Алекс, тогда еще не командор, с датчиком на вытянутой руке фиксировал передвижения невидимого хулиганистого духа. Агент 013, в спецкостюмчике с коробочкой-ловушкой на спинке, куда нужно было загнать барабашку, изображал домашнее животное на поводке. Причем так успешно, что на Алекса недовольно косились сердобольные украинские старушки, а коту явно завидовали все встречные собаки.

Неуловимый барабашка скрылся за оградой какой-то церкви и «залег на дно». Передатчик не переставал подавать сигналы, но, к сожалению, нельзя было с его помощью существенно сузить пространство поиска. Сейчас он показывал только то, что дух находится на территории церкви, которая включала в себя небольшой парк, весь желтый и багряный, в красках мягкой ранней осени, пару киосков с образками, иконками, лампадным маслом, бутылочками святой воды и тому подобными сопутствующими церковными

товарами. Ну и конечно, сам храм в голубых и белых тонах, с золотыми куполами...

– Бесполезная штука. На трехстах квадратных метрах он может быть где угодно, слишком большая зона охвата, – подсадовал мой будущий муж, кивая на датчик в виде желтой резиновой уточки. Гоблины считали, что новейшая техника не должна вызвать подозрений у местного населения...

– Да, пора бы уже Базе закупить новые передатчики, способные фиксировать присутствие духа хотя бы на тридцати квадратных метрах, это как раз территория действия ловушки.

– Шеф сказал: не в этом году, слишком много бюджетных средств ушло на обустройство гномов. Так скоро и хоббиты свой квартал захотят.

– Ничего, напарник, справимся! В конце концов, я ведь кот, у меня свои сенсоры не хуже. – Наш хвостун величественно провел лапкой по усам. – Так, не теряем время, я в церковь, а ты обойди здание и в случае чего гони его сюда. Я проверю помещение изнутри и, если его там нет, буду поджидать вас перед входом.

Алекс открыл рот, чтобы возразить, что коты в православном храме персоны нон грата и не лучше ли наоборот, но Профессор уже вбежал по старинным каменным ступенькам, лишь искоса оглянувшись у раскрытой дубовой двери:

– В церкви я буду незаметней, чем ты. Здесь надо действовать тонко, без лишней топотни, доверься мне, напарник! И

это... в божьем храме, с желтой уточкой в руке... ты бы выглядел, как полный... извини... В общем, лучше все-таки я.

И отсалютовав пушистым хвостом, забежал внутрь, а агенту Орлову ничего не оставалось, кроме как после недолгих колебаний решительно двинуться на исследование двора. Датчик продолжал утверждать, что объект все еще на территории. Всегда думала, что барабашкам входа в церковь нет, но ребята в то время еще наивно верили только науке и логике и куда в меньшей степени собственному горькому опыту...

А в это время в храме, в специальном помещении, в большой серебряной купели пожилой степенный батюшка крестил младенца. Прыщавый парнишка-служка с меланхоличным лицом помогал ему. Еще три мамы с чадами, их папашами и будущие крестные ждали своей очереди у входа в крестильню. Дальше, как вы понимаете, начинается картина маслом...

Профессор, копируя поведение благочестивого христианина, чинно перекрестился у входа, не думая, что вид крестящегося кота может оскорбить душу ортодоксально настроенного прихожанина, и, не задерживаясь, дунул по кругу, ища барабашку. Датчик в ловушке должен был замигать и запиликать в момент фиксации объекта, кроме того, агент 013, постоянно уверенно чувствовал кончиками усов близость вредного духа. А кроме того, его бесценное в нашем деле кошачье зрение давало черно-белую, но вполне зримую

картинку гостя из потустороннего мира. Минуты барабашкиной свободы были сочтены...

Но пока его нигде не было видно, хотя Пусик на бегу совал нос во все углы и даже заглянул за аналой. Вот там он совершил первую ошибку, чуть не сбив с ног одного из напряженно скучающих крестных. Тот, испуганно ойкнув, споткнулся о нашего кота и, падая, толкнул спиной здоровущий подсвечник. Тот рухнул на аналой, смахнув с него псалтырь и тяжелый металлический крест, который в свою очередь с грохотом брякнулся на плиточный пол! В церкви стало заметно веселее...

Профессор, не желая быть ни опознанным, ни пойманным, юркнул в крестильню, надеясь, что его талант конспиратора помог ему остаться незамеченным. Но здесь-то и ждало его самое страшное, а возможно, и самое значимое событие в его жизни.

В небольшой комнатке за перегородкой старый поп с внушительной важностью продолжал заниматься тем, о чем я уже говорила. Кот хотел минуты на две притаиться здесь, пока переполох не уляжется, и тогда он сможет продолжать осмотр, ближе и укромнее места не было, и он понадеялся, что там никого нет. Его хваленое чутье на этот раз не сработало. Потому что комната оказалась полна людьми, и недоуменные взгляды присутствующих сошлись на нем достаточно быстро...

– Ой, киса! – радостно прошептала какая-то малолетняя

дурочка.

– Сим нарекаю тебя... что такое?! Кто впустил в церковь сие животное? – возопил батюшка. – А ну брысь, брысь отсель!

Агент 013 попятился под гневным взглядом святого отца, увернулся от кинувшегося на него служки, проскочил под ногами у чьей-то завизжавшей мамочки, но начал теряться при виде сужающегося вокруг него кольца из томящихся со скуки папаш и крестных обоих полов. Плотно улыбаясь, они медленно наклонялись и тянули к нему добрые руки...

Видя, что его загнали в ловушку и деваться некуда, он прижал уши, пронзительно замыкал, призывая на помощь Алекса, зажмурился и, оттолкнувшись от пола, кульбитом прыгнул влево в надежде перемахнуть через крестильную купель! Шанс был, если бы Пусик весил тогда килограмма на четыре поменьше...

А так... свобода послала ему воздушный поцелуй!

Волной святой воды накрыло почти всю крестильню! Бледный батюшка чуть не выронил младенца, которого держал на руках. Служка хлопнулся, поскользнувшись на полу, и добавил брызг. Дитя пронзительно завопило и засучило ножками, остальные младенцы не преминули к нему присоединиться. Мокрые взрослые загомонили, заорали, зашумели, а кое-где и тихо выматерились, потому что... Профессор не долетел!

Он рухнул в купель всем весом, едва не захлебнулся, по-

пытался уцепиться за края, скребя по ним когтями, и, не удержавшись, опять рухнул, соскользнул в воду, вторично окатив всех близстоящих! Когда его, мокрого и взлохмаченного, с безумными от страха глазами вытянул за шкурку священник – агент 013 пожалел, что не утонул...

– Изыди, бес поганый! – во весь голос закричал поп, отбрасывая кота в сторону.

Хоть кот не собака и освящать церковь после его визита не нужно, священник явно не преувеличил, назвав его бесом! Ведь в данном случае бедненький Пусик помешал обряду крещения, нарушив весь уклад священного мероприятия! Ну и кто он после этого?! Естественно, бес поганый! Помешай мне крестить ребенка, я бы его еще похлеще назвала!

Но, видно, пожилому батюшке не часто приходилось швыряться мокрыми котами, к тому же тяжелого Профессора так просто не закинешь, но полетел он... Совсем не в ту сторону! То есть не куда подальше испорченной купели со святой водой, а прямоком на маленький столик с приготовленными для младенцев цепочками, крестиками и образками. Котик опрокинул его своей тушей, с великим трудом вывернулся и, ускоремый пинком святого отца, выпорхнул из крестильни! В три прыжка он умудрился покинуть церковь. Хотя один из серебряных крестиков так и остался болтаться у него на шее. Добавляя ко всем сегодняшним преступлениям еще и непреднамеренную кражу...

Во дворе храма его перехватил встревоженный шумом

Алекс. У агента 013 был такой специфический вид, что мой будущий муж поначалу подумал, что барабашка ездил на нем галопом вдоль всей церковной ограды...

– Где он? – воскликнул Алекс, лихорадочно вглядываясь то в глаза кота, то в датчик.

– А?! Кто? Где? – ошалело бормотал Профессор, а по его морде разливался какой-то неземной свет.

– Барабашка! Ты нашел его там? Да что с тобой?!

– Я крестился, – медленно произнес кот, с блаженной улыбкой приваливаясь спиной к холодной ступеньке храма.

– Территорию я прочесал, как минное поле, он может быть только в церкви... что?! Ты крестился? Поверить не могу! Но это... невозможно!

Алекс счел своим долгом встряхнуть кота, но это взбултыхивание не изменило выражения круглых глаз Пусика. А крестик на его шее совсем не казался случайным украшением, более того...

– Вот это батюшка! Какая мощь, какой бас, а какая твердая рука, – восхищенно прошептал он. – Решено. Своих будущих котят крещу только у него!

– Сомневаюсь, что ты вообще когда-нибудь решишься завести котят. И вообще, кто у нас тут всегда называл себя отпетым холостяком? – Алекс пытался воззвать к своему прежнему товарищу.

Но кот, похоже, непостижимо изменился в одночасье. Бездушный некрещеный напарник не мог его тогда по-настоя-

щему понять...

— И тебе надо креститься, камрад, немедленно! Иначе ты никогда не испытаешь, что такое истинное очищение души! — Кот вскочил и, схватив его за руку, с силой потянул в церковь. — Как будто заново родился!

— Я не уверен... — пробормотал Алекс, но он не любил лишний раз возражать другу, тем более когда ему ничего не стоило пройти обряд, который даже младенцы проходят. С него ничего не убудет, а если это осчастливит кота...

— Но погоди, ты забыл, зачем мы здесь?! — спохватился он.

— За мэноу? — вдруг раздалось рядом низким фальцетом.

Протягивая к ним ручки, у крыльца стоял маленький человечек с разноцветными глазками, чубом, в рубахе-косоворотке и красных шароварчиках. Еще о его ирреальном происхождении говорили нереально длиннющие пальцы на босых ножках и убийственно-неподражаемый акцент. И не украинский, и не...

— Я сдаюсэ, — сказал барабашка, и по его тону и лицу было сразу ясно, что сейчас он, может быть, впервые не хитрит. — Вяжитэ мэнэ, хлоупцы. После тохо, шо я тамэ бачив и шо ты тамэ вчинил... Мнэ с вами нэ потягаться!

— Где же ты там прятался? — чуть сварливо любопытствовал кот, защелкивая на его запястьях серебряные наручники. — Ладно уж, в связи с твоей добровольной сдачей обойдемся без заключения в ловушку, тесновато там. К тому же она и намокла, может током ударить...

– Дякую. Та я на люстрэ сидивэ, а як вжэ ты из крэстиль-ны взмыв, як сокол... Мыслю, шо усе! Крацэ сам сдайса, – вздохнул полтергейст, глядя, как кот повернулся спиной к напарнику, и тот, нажав кнопку, выключил ловушку от греха. Профессор всегда был очень предусмотрителен в вопросах собственной безопасности...

– Как тебя зовут, задержанный?

– Пэтром кличутьэ.

– Значит, мы были правы, в церковь вы заходить можете. – Алекс многозначительно посмотрел на кота.

А тот почему-то нахмурился, глядя на барабашку и думая о чем-то своем.

– Моужэм, тоха по уторнихам и четверхам с двух до пяти, – потерянно кивнул Петро, приглаживая чуб. – У тюрьму сховаэтэ? Эх, лышенько...

А Профессор вдруг снова засиял, будто его осенило, и хлопнул его по плечу.

– Послушай, тебе тоже нужно креститься, – вдохновенно решил он.

Барабашка покосился на него как на окончательно сбрендившего...

– Нэ-нэ-нэ-нэ-нэ! Нам, барабашкам, то незя. Нэ полэзною для здоровуя, – протестующе позвенел он тяжелыми наручниками. – Ужо уж у тюрьмуэ...

– Алекс, пошли! Ты же хотел! Я сейчас сбегаю, договорюсь, и крестим вас обоих, батюшка не откажет!

Но моему будущему мужу совсем не нравились ни новый взгляд, ни новый голос кота, более добрый, чистый и душевный, чем раньше, в котором ему уже слышались нотки новообращенного фанатизма. Пора было возвращаться на Базу, подальше от религии и веры, в мир научного прогресса, где агент 013, отдав душу науке, снова станет прежним циником и язвой.

– Ну все, брат мой во Христе, – с чувством произнес Алекс, выхватил из кармана переходник и, свободной рукой сгребая обоих пассажиров под мышку, нажал главную кнопку «домой»...

Он оказался прав. На третий день кот торжественно снял и спрятал крестик подальше и вроде бы навсегда забыл об этом эпизоде из своей богатой событиями биографии. Но оказалось, лишь до тех пор, пока при нем наш теперешний священник Бэс не изъявил желания креститься, и, возможно, тем самым спас нашу Базу от дьявола...

...Украинский барабашка, как и большинство пойманных нашими агентами и вставших на путь исправления ирреальных злодеев, попросился тогда остаться на Базе. Он так и продолжает жить и работать у нас, торгует в киоске, летая раз в месяц за товаром в Харьков, на родную Барабашку. По его собственным словам и процветающему бизнесу (год назад второй киоск открыл), он вполне счастлив. Я недавно купила у него сапоги итальянские всего за тысячу рублей, правда, Профессор, посмотрев на них, сказал, что он бы мне такие

и за пятьсот достал...

Но это, я думаю, уже из области фантастики.

История вторая

Наша свадьба номер два

...Меня мучила совесть. То есть правильнее было бы сказать, что она меня совсем замучила. Понимаете, я вдруг осознала, что настало время устроить нашу с Алексом свадьбу. Нет, не для нас, мы-то с ним уже год как расписаны. Для моих родителей...

Они до сих пор не знают, что мы поженились, и очень бы расстроились, узнав, что я вышла замуж без их благословения и не пригласив на самое главное событие в жизни единственной дочери. К тому же были проблемы с Алексом, он не был татаринoм и не был мусульманином, а мои родители мечтали именно о таком муже для меня. И, конечно, я не могла пригласить их на Базу, слишком долго им все объяснять о машине времени и тому подобном, после они весь остаток жизни сходили бы с ума от беспокойства, зная, что их дочь живет в «другом мире». Для них это будет почти то же самое, что «на том свете»...

В общем, чересчур много причин не говорить им всей правды, поэтому показательная свадьба почти до конца очистит мою совесть. И ближайшие три дня отдыха между заданиями было решено посвятить подготовке к матримониальному торжеству.

Мы с мужем решили поехать к родителям вдвоем, на этот раз даже без кота. Но пока не знали, как ему об этом сказать. Между тем Профессор с назойливым энтузиазмом принялся обучать Алекса основам ислама, чтобы он предстал перед будущими тестем и тещей истинным мусульманином! При виде того, как агент 013 носится с никчемной идеей сделать из него правоверного, учит татарскому акценту, подбирает ему тюбетейки и старается для нашего счастья, у нас просто язык не поворачивался сказать, что он с нами не поедет. А в том, что он будет самым желанным гостем на этой свадьбе, кот ни на секунду не сомневался!

Первый шаг, самый трудный, но я его сделала, позвонила домой и объявила папе с мамой, что выхожу замуж. А потом полчаса кричала в трубку и клялась именем Аллаха, что нет, я не беременна! В конце концов мама сказала, что они мне верят, но я чувствовала, что подозрения у них еще остались. Ну и ладно, через девять месяцев сами убедятся, кто был прав. В любом случае детей мы с мужем пока не планировали, хватало котят...

Меня еще долго трясло после этого разговора, и агент 013 делал мне на диване расслабляющий массаж спины, топчась по ней лапками, не забывая при этом впиваться коготками в нужные точки на пояснице.

— Это иглоукалывание в сочетании с лечебным массажем, моя собственная методика, собираюсь запатентовать. А сопровождающее процесс успокаивающее мурлыканье не за-

менит никакая релаксирующая музыка для тай-чи!¹ Ну как, Алиночка, чувствуешь приятное покалывание?

– О да-а... Ой, не так глубоко, садист!

Тут дверь распахнулась, в комнату вошел командор, и кот под его взглядом мягко спрыгнул с моей спины и пошлой походкой сделавшего свое дело альфонса гордо удалился. Они, конечно, друзья, но Алекс не может окончательно избавиться от ревности к Пушистику, зная, что агент 013 – второй любимый мужчина в моей жизни. После него, разумеется...

За день до свадьбы мы делали последние приготовления, я набивала чемодан несколькими самыми соответствующими эпохе и вкусу родителей платьями. Выбрать из того количества всякой одежды, что у меня набралось, всего пять-десять платьев оказалось делом нелегким. Когда есть возможность отправиться на шопинг практически в любой отрезок времени (но только во время отпуска и с разрешения шефа!), трудно удержаться от соблазнов. Скоро придется расширять гардеробную. Например, за счет уголка с тренажерами Алекса, зачем тогда на Базе спортивный зал? Пусть туда ходит...

Но это после возвращения, а сейчас чемодан был уложен, умят и с трудом застегнут на молнию. Я села на него и попрыгала, а Алекс застегнул. Его вещи тоже туда поместились, пара рубашек, брюки и сандалии, хотя, может, хватит ему и одной рубашки, а сандалии купим на месте? Так появится место еще для пары моих светящихся неоном босоножек с

¹ Тай-чи – древняя китайская гимнастика и вид боевых искусств.

самого большого в Галактике рынка на Эраспирусе. Потому что если не в эту поездку, то я вообще неизвестно когда их надену?! Разве что в оранжерею, веселить цветы-людоеды...

Шеф, отпуская нас на три дня, отменил нам все отгулы на полгода вперед, а на Базе нас заставляют ходить в форме. Но я пожалела любимого: в свадебных ботинках (которые они с котом сегодня пойдут покупать) он запарится. Мой муж тем временем сочинял благодарственную речь к моим родителям. Профессор сказал, что это традиция, иначе меня не простят и зарежут мои же родственники. О аллах, какой бред...

В этот момент к нам забежал воодушевленный котик и ринулся к зеркалу.

– Вот, заказал себе у костюмеров свадебный каляпуш!² Друг жениха не может быть одет как попало. Кажется, мне идет! Впрочем, мне все к лицу...

– Д-да. Неплохо. – Мы с Алексом страдальчески переглянулись.

Ну как ему сказать, что он с нами не едет? И он был так мил в этой белой круглой бархатной шапочке с вышитыми по кругу зелеными минаретами.

– Агент 013, дружище, мы хотели бы в эту поездку слетать вдвоем, понимаешь? – неожиданно решился командор.

Пусик медленно стянул с головы и уронил на пол шапочку, застыло уставившись на нас. В море разочарования и оби-

² Каляпуш – вид тибетейки.

ды в его глазах можно было легко захлебнуться...

– Шутка. Конечно, куда мы без тебя? Это счастье, что ты едешь с нами и помогаешь, – не выдержал Алекс.

– Да, что бы мы без тебя делали? – подхватила я, но кот все еще недоверчиво щурился на нас.

Мы изобразили радость. Наконец его мордочка расслабилась в легкой улыбке...

– Само собой! Всегда рад вам помочь, друзья мои. Хотя дома куча дел, Анхесенпа недовольна, что не уделяю достаточно внимания своей семье, а ношусь с вами даже вне службы. Вы используете мое драгоценное время...

– Может, тебе тогда остаться? – ухватилась я за соломинку надежды. – Отношения с Анхесенпой важнее, мы друзья и это понимаем, да и котятam ты нужен. Они и вправду тебя по три дня в неделю только и видят. И то, если повезет...

– Я бы и рад! Но без меня вы не управитесь. Я должен все проконтролировать. Мусульманская свадьба – дело серьезное. А вы даже не умеете вести себя перед муллой! Единственная ошибка в ритуале, и позор твоей семье, Алиночка, перед всеми соседями...

Ох, не избавиться нам от его приставучей опеки никогда. Но в одном он прав – куда мы без него? Он давно полноценный член нашей команды и нашей семьи. Как и мы – его...

– А еще я вам помогу составить брачный договор.

– Какой еще договор?

– Традиционный договор, по законам шариата, деточка.

В нем обговариваются все обязательства, которые вы будете соблюдать по отношению друг к другу, и размер махра – суммы, которую Алекс должен тебе выплатить, в случае если случится развод по его желанию.

– Ой, так до мелочей только евреи все расписывают! А мы не они. У нас все проще, все решается по взаимному согласию. Так что этот дурацкий договор нам не нужен. Все равно я не дам ему со мной развестись. – Я потерлась щекой о плечо мужа. – А правила совместной жизни мы давно уже утрясли: утром в душ я иду первая, и если одна порция добавки осталась, то она моя. А пульт от телевизора его! Вот весь секрет нашего счастья.

Командор утвердительно кивнул, но кот что-то поспешно записал в блокноте.

– Ты что, наши тайны удачного брака записываешь?

– Еще чего, я сам мог бы вести курсы «Секреты семейного счастья», у меня своих таких фишек десятки. Я гений брака! А сейчас самое время прорепетировать завтрашнюю церемонию.

Я изобразила на лице бесконечное долготерпение.

– Мы не в Америке, чтобы еще и репетиции устраивать. Хватит, будь что будет. И поглупее нас справлялись. Даже твоя Анхесенпа смогла. К тому же опыт в брачевании у нас уже есть. А от твоего чересчур серьезного отношения к этому простому ритуалу у меня уже уши болят.

– Все, она права, Алине нужно отдохнуть перед завтраш-

ним днем. – И, подняв друга за шкуру, Алекс выставил кота за дверь.

Но и там тот назойливо возражал, что репетиция все-таки необходима, что бы у нас там ни болело. Да ничего не болело! Просто было чем заняться и без его Алекса участия...

...И вот наконец наступило утро того дня, когда мы с любимым отправились в Астрахань, где должны быть соединены узами повторного, мусульманского, брака.

Профессор убедил его на это мероприятие одеться во все белое: в белый халат, белые туфли, белый бедуинский платок на голове. Если бы я только увидела это зрелище заранее! Но кот заявил, что я не должна видеть мужа до свадьбы...

– Доверься моему вкусу, деточка!

И я решила не тратить нервы на лишние споры, потому что доверяла разумному вкусу, но не кота, а Алекса, он не даст Мурзику сделать из себя абы что, и пропустила мимо ушей заявление Пусика, что он-де знает, чем можно подкупить и навсегда привлечь сердца родителей-мусульман:

– Пусть для своего спокойствия и вечного счастья думают, что их будущий зять – арабский шейх! А мы его сделаем левой задней лапой...

Так вот для чего моему мужу понадобилось резко отращивать бороду, а я думала – решил сменить имидж, а в солярий записался, чтобы не сгореть потом под жгучим солнцем моего родного города. Он уже знал, какое оно у нас обжигающее, еще с прошлой поездки. Сам перелет, как всегда,

занимал меньше минуты. По «легенде» я должна была прибыть раньше, а мой «шейх» попозже, но на лимузине.

...И вот два часа спустя в доме моих родителей я в длинном белом закрытом платье. Родители настояли, чтоб угодить мулле, а то еще откажется совершать обряд, если у меня будет «непристойно» открыта шея. С другой стороны, Алекс предпочитает, чтобы я как можно сексуальнее одевалась, хотя на Базе тоже в мини особо не побегаешь, хоббиты пальцами тыкать будут...

Итак, нарядные папа с мамой, взволнованно сияющие у окна, мои два брата и накрытый стол, мы все, уже начиная слегка беспокоиться, застыли в ожидании. Все было готово к началу. Не хватало только муллы и... жениха. Вместе с его котом, которому я хвост оторву, как только он появится. Потому что вина за опоздание может лечь только на него, он у нас «контролирует» ситуацию...

Папа уже два раза звонил мулле и извинялся. А мне какие только причины их задержки ни приходили в голову: – они сбили старушку лимузином, а потом на них наехал КамАЗ, и все вместе взорвались у лукойловской заправки! Вплоть до самого страшного: неужели мой изображающий жениха муж решил сбежать из-под никаха?³

Но разум говорил, что любимый тут ни при чем. Это все наш хвостатый баламут, знаток обрядов и устроитель свадеб.

³ Никах – мусульманский брак, заключаемый в соответствии с шариатом; составная часть свадьбы.

И как только мы с Алексом поддались ненужной человечности и взяли его с собой? Без него все уже состоялось бы и прошло тихо, мирно и пристойно на радость моим родителям. Мы были бы уже законными супругами по шариату. А тут сходи с ума от неопределенности, вдруг он никогда не возьмет меня в жены. Вэк...

О чем это я? Как это не возьмет, давно уже взял, никуда не денется. Штамп в паспорте у меня есть, нам гоблины сфабриковали, у Алекса такой же. Уф, похоже, что не так все плохо...

Но, с другой стороны, если бы он был в сознании, то ничто бы не смогло его остановить на пути к любимой невесте – он бы давно уже стоял рядом со мной и почтительно внимал молитве священника. Меня охватил ужас от пронзившей нутро все объясняющей догадки – их похитили инопланетяне, и я больше никогда его не увижу!

Мама положила мне руки на плечи и по-своему пыталась меня утешить:

– Не горюй, кызым... Ты можешь выйти за Фариду, хороший парень вырос, на стройке работает, хорошо получает.

Я с трудом припомнила одноименного приятеля детства. В детском саду он выпил мой компот, а лет пять назад пытался поймать на улице. Типа, на цветок тебе, красавица! Я еще ударила его сумкой по башке, ему вроде понравилось. Фарид, значит, ну-ну...

И тут запиликал мой служебный сотовый. На экране изоб-

разилась широкоскулая морда Профессора. Ура!

– Нет, мама, мой единственный и возлюбленный жених нашелся! Где вы носитесь, два дебильных идиота?! А ну отвечай, пока я не содрала с тебя шкуру прямо через Билайн!

– Деточка, сначала успокойся, – еще больше пугая, начал кот.

– Я спокойна, я очень спокойна, – дрожащим голосом про-рычала я. – Говори-и-и-и!!!

– А мне кажется, ты все же слегка взволнована. Хотя я могу и ошибаться. Полной уверенности никогда нет, правда? Представь себе, Алекса арестовали за ношение холодного оружия и вождение без прав! Возмутительно! То-то у меня все утро было чувство, что мы упустили какую-то мелочь, – беспечно добил он.

Я истерично вскрикнула.

– Что случилось? Он не придет? – подскочила мама. – Я так и знала. Не убивайся, он не был тебе подходящей парой, мы сейчас позовем Фарида, он тебе понравится больше.

– Подожди, ани, не нужно никого звать! – нервно развернулась я. – Сначала мне надо... в доме есть что-нибудь огнестрельное?!

– Ничего у вас нет, вы же мирные татары, – деловито-нагло откликнулась трубка. – И поторопись, Алиночка, а то мы уже проголодались. Нас держат в «обезьяннике» милицейского участка Советского района.

И я, никому ничего не объясняя, опрометью выскочила

из дома, на каблуках поскакав выручать любимого. Чуть не попала под машину, остановила попутку и через десять минут уже была у отделения милиции. И едва я выпрыгнула из машины, как от растущей рядом с участком березы отделилась отиравшаяся о нее наша хвостатая проблема в образе упитанного серо-белого кошака с неизменным чувством превосходства в зеленых глазищах. Настал твой последний час, Профессор...

– Ситуация несколько вышла из-под контроля, – мурлыкнул он, мигом взлетая на недоступную для моего роста ветку. – Кажется, я перестарался с образом, делая из Алекса нефтяного шейха. Ваши сотрудники правопорядка такие недоверчивые люди...

Мой взгляд застыл на припаркованном у стоянки белом лимузине.

– Они еще и лимузин наш экспроприировали, кто же знал, что на его вождение здесь еще нужны права? Какой ужасающий атавизм, не находишь...

– Сиди здесь. Вернусь – убью, – сквозь зубы пообещала я, твердым шагом направляясь напрямиком в отделение.

Дрожа от страха (а что, если не отпустят, тогда придется освобождать Алекса штурмом, что наверняка погубит мое свадебное платье), я, стараясь сохранять внешнее хладнокровие, вошла в участок, ответила на вопросы дежурного, расписалась в протоколе и заплатила штраф.

Только лимузин со стоянки и кинжал эльфийской работы

из нашей реквизиторской нам забрать не позволили. Кинжал так и лежал на столе участкового, и тот явно на него запал, думаю, что и в шкаф с вещдоками кинжальчик так и не попадет. Ну и бог с ним, главное, на свадьбе будет жених, а его украшения – дело десятое. Хотя за утерю реквизита, конечно, на Базе попадет, но...

И еще через две минуты томительного ожидания в коридоре два сержанта вывели ко мне моего любимого. С первого взгляда я его не узнала, молча осев на скамью. Он просто блистал на все отделение в экзотической одежде жителя Арабских Эмиратов, а грозно сведенные на переносице кустистые брови над ставшими вместо серых темно-кариими глазами делали его похожим на Омара Шарифа. Ну и массивный загнутый нос – мечта любого беркута! О бороде и коричневом загаре уже не говорю, их-то я хоть видела, иначе к своему стыду не узнала бы родного мужа. Понятно, почему его приняли за какого-то террориста в розыске, как объяснил мне дежурный.

Алекс с трудом выжал из себя улыбку.

– Спасибо, что пришла за мной, я здесь чувствовал себя как-то неуютно, – спокойно сказал он, подавая мне руку и помогая подняться со скамьи.

– О аллах, что этот усатый паразит с тобой сделал? – Я все не могла оторвать от него пораженного взгляда.

Младший сержант, теребя тонкие усы, виновато забормotal, что они-то и пальцем задержанного не тронули, так

что нечего тут бочку катить, гражданочка... Пришлось извиниться, не объяснять же, что я имела в виду кота-имиджмейкера.

– Ты права, не надо было мне вестись на эту профессорскую байду об арабских шейхах. Я им здесь объяснял, что это только свадебный костюм, но они мне не сразу поверили. Хорошо еще паспорт «чистый», гоблины свое дело знают...

Я положила ему голову на плечо, безмерно счастливая, что с ним все в порядке, и мы вышли на улицу, где на нас радостно набросился кот. Хоть бы он провалился, зараза!

Когда мы перешли улицу и стали ловить такси, агент 013 сжато объяснил все:

– Мы хотели сказать твоим родителям, что Алекс едет к своему другу-шейху в Арабские Эмираты и вообще постоянно вращается в их окружении, потому и одет как они. Чтобы показать, что человек он уважаемый и состоятельный и что тебе с ним повезло...

– Мои родители в России живут, а не в какой-нибудь Англии. Здесь шейх на улицах встречается реже, чем слон на вечеринке в честь Восьмого марта!

Хорошо хоть потертый паспорт подтверждал личность Алексея Орлова, гражданина России, прописанного в Подмосковье. Хотя кот настаивал на заграничном...

– А кинжал-то зачем?

– Для солидности и как деталь исторического костюма, для чего же еще?

– Мои родители боятся любого оружия. Они могли заподозрить, что он силой берет меня замуж. И, кстати, за кинжал нам брауни⁴ из реквизиторской уши отрежут. Ха, не нам, а тебе дорогой напарник!

– Ты его видела? – помрачнел Профессор.

– Только что – у дежурного на столе.

– Я сейчас. Если не вернусь через сутки, прошу считать меня безвременно погибшим. – И кот смело бросился через дорогу, чуть не попав под машины, которые с жутким скрипом тормозили, а один джип чуть не врезался в фонарный столб.

...Через десять минут, повторив каскадерский трюк уже на двух троллейбусах, он выбежал к нам с кинжалом в зубах.

– Но как тебе удалось?

– У меня свои секреты, мои дорогие молодожены, – таинственно мурлыкнул агент 013, втиснувшись между нами и от всей души обнимая нас за ноги. – Едем! Едем! Пока они не вернулись с обеда...

Нашу пеструю группу довольно долго никто не брал, пока наконец один смелый таксист не рискнул остановиться перед Алексом, и вскоре мы, сопровождаемые ликующими криками моих домочадцев, въехали к нам во двор.

– Плати калым, что-нибудь достойное нашей дочери, – с

⁴ Брауни – домовые, в начале XX века в России их еще трактовали как эльфов; самые знаменитые у нас в стране брауни – Мурзилка, Незнайка, Знайка и другие. Николай Носов сделал их впоследствии маленькими человечками.

порога потребовал мой папа у Алекса, весело подмигивая, однако не смог скрыть жадности в голосе.

– Да дай им зайти хоть, – стукнула его по руке мама и, оттеснив от входа, пропустила нас в дом. – Ой, и кота своего любимого привезли! Что ж ты мне не сказала, Алиночка, не обрадовала сразу, я и не чаяла, что снова его увижу, думала, умер уже, ведь такие толстые коты долго не живут.

– Хотела сделать сюрприз, – нежно улыбнулась я кривой улыбочке Профессора.

Он не привык к «таким» комплиментам и, похоже, забыл, что здесь он для всех всего лишь «домашнее животное»...

На расспросы, где задержался жених и почему мне пришлось ехать за ним, таинственно отмолчаться не удалось, и мы, решив, что врать в такой день нехорошо, рассказали о забытых правах и милиции. Потом мы с Алексом принимали поздравления от прознавших о свадьбе и заявившихся соседей, решивших побаловать нас своим визитом. Вообще у татар принято стоять на улице и каждого прохожего зазывать на свадьбу, но мы собирались отметить это событие в узком семейном кругу. Командор переглянулся с котом, тот едва заметно подмигнул и передал что-то в мини-рацию, искусно замаскированную под бантик на шее.

– А, вот и подарки подвезли. Прошу во двор, – с улыбкой фокусника объявил мой «шейх» спустя минуту.

О святой Хызр!⁵ На нашем маленьком дворе, потоптав

⁵ Хызр (Хизир, Хизр, Хыдыр) – в исламе пророк и учитель пророка Мусы;

весь огород, стояло в ряд десять верблюдов, нагруженных до отказа, но не шелками и пряностями, а... предметами первой необходимости: шампунь, мыло, паста зубная, туалетная бумага, стиральные порошки, мешок муки, мешок картошки, упаковка крема для рук. Тут же коробки запасных шестеренок, машинное масло (как узнала позже, это роботы доложили), банки с фирменным кунжутным вареньем Синелицего, окаменевшие (но скорей изначально каменные) пироги от гномов, помятые и слипшиеся конфеты (от хоббитов, я чуть не прослезилась, от сердца же оторвали) и еще много-много чего. Здесь действительно были собраны дары со всей Базы от всех, кто знал о нашей «свадьбе»...

Позже, когда кот рассказывал об организации операции «Калым», то признался, что так и распорядился: «Кладите самое нужное, что всегда пригодится в хозяйстве!», а на вопрос, где достали верблюдов, сказал, что это тайна Рудика. Где-то выиграл на конкурсе восточных танцев. Сразу после нашего отъезда мои родители отдали их на верблюжью ферму у нас в области. Не дома же держать, мороки с ними, и плюются еще...

Но в тот момент я больше всего порадовалась, что соседи пришли. Приятно было видеть зависть и изумление на их лицах. Пока все гладили верблюдов и подсовывали им чахлую морковку, я увидела, что мама с напуганным лицом по-

Хызр считается покровителем гостеприимства, поскольку в любую минуту может неожиданно прийти в гости.

махала мне из окна.

– Милиция? – Я встревожилась, решив, что там хватились пропажи кинжала или вспомнили вопросы, которые забыли задать. Мне-то с самого начала казалось, что они слишком легко отпустили Алекса.

– Какая милиция, дочка! Это не ваши друзья? Мы ведь гостей не звали. Фарид только, может, зайдет. Пока ты ездила за женихом, я зашла и пригласила его. Но этих... не звала!

Действительно, около ворот дома столпился разнообразный, подозрительный народец. Грифонообразное существо в восточном женском костюме, пританцовывающее и звенящее монетами и браслетами, невысокий бородатый мужчина солидного возраста в шотландском килте и колпаке – с тортиком в руках, высокий атлет с огромным букетом алюминиевых роз, маленький черный священник с египетскими чертами лица в православной рясе, а также толпа странных взрослых детишек маленького роста, босиком, с волосатыми ногами...

– В первый раз их вижу, – нагло соврала я и стала опасно раскачиваться на каблуках, изображая полную беспечность.

Стук в ворота продолжался, и ничего не знающий папа уже бросился открывать. Похоже, мы с Алексом окончательно влипли...

Хорошо, что Синелиций остался на Базе, двухметровый висельник с языком до груди и давно ставшим для него естественным синим цветом лица слишком натурален, что-

бы можно было убедить мою семью, что язык у него латексный, а след от веревки на шее – это фломастер. Тут и Рудика с его прикрытыми лишь прозрачным платочком орлиными окорочками было вполне достаточно. Хорошо хоть когтистые лапы замаскировал, обмотав их старым тряпьем и надев ортопедические ботинки. Вся толпа с песнями вломила в наш двор, серьезно потеснив верблюдов...

– Ой, ребята, я так рада! Папа, мама, это наши с Алексеем сослуживцы, – хриплым от ярости голосом пропела я, глядя, как шеф, отдав папе торт, целует маме руку.

– Но ты ведь сказала, что не знаешь их... этих... – Мама осеклась, встретившись с моим бегущим взглядом, и, слегка напуганно глядя на этих, мягко говоря, экстравагантных личностей, дрожащим голосом пробормотала: – Ну ладно, гость в дом – Аллах в дом! Добро пожаловать! Прошу вас, проходите, мы вас так ждали, так ждали...

Хоббиты не нуждались ни в каких подбадривающих словах, чтобы чувствовать себя полными хозяевами в любом месте, где можно хоть чем-нибудь пожить, они вообще редко когда слушали, что им говорят. Поэтому первыми рванули к столу и на глазах у изумленных соседей и моих родичей принялись хватать обеими руками и совать в рот все подряд.

– Стойте, детишки, надо дождаться муллу.

Я бросилась отнимать у них буквально изо рта кайнары⁶ и

⁶ Кайнары – в татарской кухне круглые пирожки с рубленным мясом и луком;

подушечки чак-чака,⁷ обеими руками оттаскивая их за вихры и уши от стола. Мои родители и соседи в очередной раз задохнулись от изумления. Командор вернул возмущенно завопившим хоббитами их добычу и мягко увел меня подальше. «Дети», тут же успокоившись, вернулись к пожиранию рассчитанного на всех угощения...

– Ой! Мы совсем про муллу забыли, – подхватила мама.

Папа набрал номер и протянул трубку мне. Постаравшись успокоить дыхание и мгновенно перейдя на смиренно-елейный тон, я вежливо сказала мулле, что жених приехал и у нас все готово к церемонии.

– Дочь моя, не дождавшись вашего звонка, я уже сел обедать. Если вы всерьез намерены пожениться, то приезжайте за мной через час. Сам я уже никуда не пойду.

– Нужно ехать за стариком, он обижен, – повернулась я к Алексу, – а машину у нас забрали.

– Я вызову такси, – предложил мой брат.

Но шеф, до этого беседовавший с папой о необходимости закона, разрешающего применение лазерных мечей против космических мутантов, вдруг заинтересовался: что значит, забрали? Машина-то, оказывается, была казенная, и кот ее не своровал из гаража нашего мэра, а получил под расписку из ангара на Базе, где стояли наши трофейные средства

тип беляшей.

⁷ Чак-чак – в татарской кухне сладкие мучные лепешки в виде шариков или подушечек, обжаренных в масле и политых сиропом или медом.

передвижения. Такие как колесница Цезаря, коляска Мэри Поппинс и сдувшийся шарик самого Винни Пуха...

Алекс сбивчиво объяснил ему. А я, едва дождавшись возможности вставить словечко, поспешила сделать пояснение для моих домашних:

– Простите, шеф, что сразу вас не представила, просто не успела. Это наш шеф, то есть начальник Базы, его зовут – Большая Кувалд... Борис Никодимович Шотландский! Он гно... то есть, большой... человек, лучший руководитель в мире! Нам с Алексом просто повезло служ... работать под его чутким началом! Он отличный организатор и всегда умеет прислушиваться к мнению каждого рядового сотрудника...

Но тут гном, недослушав привычные льстивые фразы, неожиданно бросился на кухню, схватил папин топор для рубки мяса и с налитыми кровью глазами закричал, что пойдет отбивать машину:

– Никакая милиция не остановит бывшего красноколпачника!

После долгих споров было решено, что за машиной пойдут в город хоббиты (два килограмма конфет, сладкая пицца и большая бутылка шипучего лимонада – цена часовой работы хоббитских взломщиков). Глава делегации хоббитов Боббер скрепил договор рукопожатием, и через двадцать минут машина действительно стояла перед нашим домом.

– Ну и зачем было их посылать? – язвительно поинтере-

совался командор, который сам рвался ехать разбираться, но я не пустила. — Это ж милицейский уазик, а не моя машина.

Боббер с командой вновь ушли на дело, потребовав с меня дополнительную шоколадку, и еще двадцать минут спустя хоббит помахивал нам ладошкой уже из окна нашего лимузина.

Но мы, не особенно рассчитывая на их успех, уже вызвали такси. За муллой отправились мои младшие братья. Профессор шепотом просил, чтобы позволили поехать ему, он давно мечтал поговорить наедине с каким-нибудь муллой о миротворческой философии ислама. Но мама сказала, что мулла у нас пожилой и пьющий, поэтому мы решили агента 013 не пускать — пьющий мулла никогда не выйдет из дома, если за ним приехали говорящие коты. Нормальная логика, да и кто бы поехал?

— А если я представляюсь посланцем Аллаха? — в последней попытке выпятил пузо Пусик и тут же словил от меня щелчок по лбу за богохульство. После чего надулся и минут десять изображал жуткую обиду под столом.

Пока мы ждали возвращения моих братишек и священника, шеф, объявивший себя тамадой, решил развлечь гостей метанием кинжалов в Стива, который с улыбкой иллюзиониста демонстрировал свою неуязвимость. К моему удивлению, даже соседи вошли во вкус, кидаясь в нашего биоробота всеми колюще-режущими предметами — от топора до маникюрных ножниц.

Хоббиты, уже обследовавшие дом, выбежали во двор, где успели помучить верблюдов и натереть по карманам все, что влезло, затеяли игру в прятки, но тут же уличили того, кто должен был их искать, в подглядывании и попытались его побить, что мгновенно переросло в повальную драку. Теперь те же соседи в ужасе жались к стенам, но почему-то не уходили, жадно обозревая происходящее, хотя и не принимали участия в драке. Похоже, они впервые поняли, какая серая у них жизнь, в отличие от нашей с Алексом, и какие у них скучные начальники и сослуживцы, в отличие от наших...

– Едут! Едут! – закричал наблюдавший за дорогой Рудик, высунувшись по пояс в форточку.

Народ резко затормозил с мордобитием.

Все разом затихло, шеф убрал кинжалы, Стив поставил на место выбитые зубы, хоббиты поднялись на ноги и отряхнули курточки, их глазки загорелись любопытством – воистину, религия примиряет. Еще с порога мулла, одетый в обычную одежду (а я ждала раззолоченных накидок), с лукавым одобрением оглядел стол, который мама успела обновить, послав папу за продуктами в ближайший магазин. И только после этого стал отвечать на приветствия.

Мужчины с ним здоровались за руку, а женщины целовали ту же руку и прижимали ее ко лбу. Кот тоже, не удержавшись, вышел вперед, поклонился в пояс и сказал:

– Ассалямү'аляйкум, достопочтенный мулла-хэзрэт!

– Ва'аляйкум ас-салям, – слегка оторопело отозвался слу-

житель исламской веры. – Кто это? Кот, говорящий устами правоверного мусульманина? Воистину, Аллах всемогущ!

– Нет, кот... хе-хе... конечно же не может говорить, – во время встряла я. – Это я к вам обращалась, у меня тяжелый ларингит, голос меняется через каждое слово, а кот просто дрессированный, иногда встает на задние лапы, вот как сейчас. Он умеет открывать рот в беззвучном мяуканье и так ко всем гостям пристаёт, еду кланчит. Не думайте, что мы его не кормим, просто такой уж паскудный характер у него, простите за грубое слово...

Мурзик с презрительным выражением глаз рухнул на четыре лапы и, вихляя задом, ушел под стол. Думаю, он не будет со мной разговаривать дня два... минимум!

Мулла посмотрел на нас с Алексом и остановил проникающий в душу взгляд на моем муже.

– Син мусульманин, малаем?⁸ – с какой-то двусмысленной улыбкой спросил он.

Ислам Алекс принял, кот заставил. Он уточнил в Интернете, что для этого достаточно прочесть шахаду – слова главного исламского свидетельства: «Я знаю, верю всем сердцем и подтверждаю на словах, что нет бога, кроме Аллаха! Я знаю, верю всем сердцем и подтверждаю на словах, что Мухаммед посланник Аллаха!» По сути все. Удобно, да?

А еще перед этим необходимо отказаться от всех убеждений, противоречащих исламу. Кот еще настаивал для пущей

⁸ Ты мусульманин, сын мой? (*татарск.*)

верности, чтобы мулле совсем уж не к чему было придраться, и имя поменять на мусульманское:

– Отныне ты будешь зваться Вафиком! Чем тебе не нравится Вафик? Может, тогда Искандером? Ну, тогда Зульфикаром, по имени меча Пророка.

– А обязательно его менять? – уныло спрашивал Алекс.

– Предпочтительно. Тем более если оно противоречит исламу.

– А мое что, противоречит?

– Его имя означает в переводе с греческого «Защитник», и ему это подходит, – вовремя вмешалась я. – Куда уж более правильное имя для мужчины любой веры! А вот у тебя нет ни одного христианского имени! Какой толк, что ты крестился?!

Но это еще были цветочки – кот настаивал на полном правдоподобии и прибежал с канцелярскими ножницами и зеленкой, крича, что с обрезанием он справится сам, потому что у него есть диплом о медицинском образовании. Перепуганный командор устроил скандал, крича, что ему будет больно и этого он никогда не сделает. На что кот «логично» возражал:

– Вдруг вы пойдете в туалет вместе с ее папой и тебя раскроют?

– Я не буду ходить в туалет вместе с ее папой, можно мне не обрезаться?! – жалобно молил доведенный до нервного истощения Алекс...

Хвала Аллаху, опытный мулла не испытывал терпения проголодавшихся гостей. Он омыл руки, взял Коран и начал торжественно читать молитву о нашем желании вступить в брак, потом произнес хвалу пророку и его потомкам. Все торжественно, по существу и очень значимо. Мама вытирала слезы...

Мы с командором стояли, скромно потупив очи долу. В этот момент, несмотря на переживаемое второй раз в жизни возвышенное чувство, что все, что было до этого, крайне незначительно и мелко и быть женой Алекса – мое главное предназначение, мне хотелось провалиться сквозь землю. После чего мы выпили с мужем воду, над которой мулла почитал Коран, обменялись кольцами (своими же, заранее их сняв), мулла прочел еще молитву, кажется под названием «Барикаллах», и, открыв Коран на первой странице, зачитал первую суру.⁹ Наконец, к нескрываемому ликованию всех присутствующих, он произнес:

– Аминь, – что возвестило начало долгожданной трапезы. Ура, я еще раз замужем!

...Удивительно, но за столами уместились все. Может, еще и потому, что хоббитах накрыли отдельно детский стол – на журнальном столике, а для остальных, кому не хватило места, притащили из сарая «козлик» и длинные садовые скамейки.

Мама положила коту порцию плова в тарелку и чуть не по-

⁹ Сура – глава Корана, всего их 114.

ставила ее на пол, но я успела перехватить и поставить ее перед степенно усевшимся за хоббитский стол Профессором.

– Он у нас с пола не ест. Избаловали мы его, – оправдываясь, пояснила я.

Заглушаемый громким чавканьем, Алекс произнес благодарственную речь к моим родителям:

– Спасибо вам за дочь, это неземное сокровище, которую я обещаю вам беречь, защищать, холить и лелеять. И любить всегда всем сердцем, что бы этому ни помешало – ее нелегкий характер, война или то, что она снова втайне от меня доедает последнюю шоколадку. Аллах акбар! Милая, я правильно выразился?

Мама прослезилась, перемазанный вареньем Боббер тоже захлюпал носом, но через несколько мгновений опять шумно набивал рот кайнарами, заедая их сладким хворостом.

А папа в ответ пожелал:

– Живите красиво и скачите на коне счастья!

Часа три спустя мои родители, уже переставшие бояться наших странных коллег, наконец расслабились, прекратили тревожиться за то, что свадьба их единственной дочери пройдет достойно и вообще состоится, и наконец просто радовались. Мама делилась с Рудиком на татарском секретами пирогов и правильной заварки молочного татар-чая. А папа весело болтал со всеми, отдавая предпочтение шефу, как наиболее значимому гостю...

Бэс тем временем с удивительно авторитетным видом

(для без двух минут неделя священника и ненамного дольше христианина (об этом чуть ниже), спорил с выпившим муллой, отстаивая принцип Троицы. Мулла не особо протестовал, встретив «батюшку» на мусульманской свадьбе, но тем не менее настаивал на том, что Иса не сын бога, а почитаемый пророк!

Агент 013 поучал Алекса, однако таким громким шепотом, что все слышали, но не верили своим ушам – говорящий кот?! Нет, это нонсенс! Но я все равно все слышала и краснела, не зная, куда спрятаться...

– Теперь, когда ты придешь сегодня ночью к жене, ты должен прочитать молитву как я тебя учил: Бисмиллях иррахман иррахим... и сказать: О Аллах, благодаря тебе я ее взял. Подари нам ребенка, послушного родителям, правоверного мусульманина. Но спаси от того, что он может быть испорченным человеком, сродни Сатане! – И тогда через девять месяцев...

– Я-акши, – смущенно бормотал Алекс и, выскочив из-за стола, убежал к шурале,¹⁰ который вел философские беседы с соседским мальчишкой. Шурале припозднился, но как он мог не прийти – самый популярный герой самой популярной татарской сказки, еще и названной его именем! К тому же Астрахань для него почти родной город, здесь он в последний раз промышлял, заманивая и щекоча прохожих...

¹⁰ Шурале – в татарской мифологии леший, который защекочивает попавшихся ему путников ло смерти.

И дорога к дому моих родителей ему была хорошо известна. Потому что отсюда мы по его просьбе забрали лешего с собой на Базу, которая стала его родным домом. Разумеется, он пришел на нашу татарскую свадьбу, где как шура-ле должен был быть самым почетным гостем, соблюдая конспирацию. Рог пришлось спрятать под надвинутой на самый лоб высокой тюбетейкой, а шkodливые пальцы скрывались под строительными рукавицами. Уже «тепленьких» гостей это ни капли не удивило. Может, он прораб?

Шурале принес в подарок стиральную машину (как он ее пер в одиночку, никто не знает), которую я решила оставить маме, потому что на Базе есть мобильная прачечная, куда сдавать вещи гораздо удобней, чем стирать самой.

Изрядно набравшийся, сытый и нафилософствовавшийся мулла начал собираться, а когда Алекс с ним прощался, как положено, за руку, с хитрой улыбкой повторил вопрос, который уже задавал ему сегодня:

– Ты ведь мусульманин, не обманул меня, малаем?

– Э-э, да, – выкрутился мой муж, трактуя ответ в обе стороны.

– Тогда ты можешь взять еще три жены. Когда решишь, обращайся, буду рад тебя снова поженить. Хорошая свадьба, клянусь пророком...

– Никаких других жен! – импульсивно заявила я. – А иначе вам придется читать никах¹¹ и для меня, когда я возьму

¹¹ Никах (никях) – мусульманский обряд бракосочетания.

себе второго мужа.

Кажется, я переборщила со своим обостренным чувством справедливости. Мулла изумленно заморгал. А коварный кот с размаху всеми когтями правой передней лапы хлестнул меня по ноге. Я взвыла...

– Досадно слышать такое от мусульманки, дочь моя, – укоризненно произнес мулла.

Профессор прожег меня убийственным взглядом, папа снисходительным, а мама с Алексом сочувственно покачали головами.

– Вай мэ, была неправа, осознала, больше не буду, шайтан попутал!

Когда он уехал (хорошо, что не в плохом настроении, мой муж удвоил ему гонорар за мое «оскорбительное» заявление), я не сразу успокоилась, но командор нежно погладил меня по плечу и с любящей улыбкой сказал:

– Не переживай, я обещаю тебе, что никогда ни на ком не женюсь больше, даже если ты станешь хромой, лысой и толстой одновременно!

Весьма двусмысленный комплимент, но я его сразу простила и даже расцеловала при всех. Мама танцевала с Рудиком восточные танцы, шеф на пальцах объяснял папе отличие джиги от вальса, а мои младшие братья учили хоббитов откалывать рэп... Шеф притащил с собой огромную бутылку шотландского виски (до ухода муллы не доставал, боясь ненароком обидеть всех) и теперь уговаривал моего папу с

ним выпить. Папа говорил, что ему нельзя. Ислам запрещает...

– У нас на свадьбе не принято пить ничего крепче чая, – расстроено повторял он.

– Почему? – вежливо спорил гном. – Я же видел, какой «чай» вы наливали мулле...

– Нельзя, Аллах все видит, – с тоской глядя на бутылку, вздыхал мой отец.

– А у вас есть комната без окон? – поинтересовался Большая Кувалда, на первый взгляд совершенно не в тему. Ха, кто же не знает, к чему он клонит...

Но папа тоже все понял и молча провел шефа в кладовку, где они, усевшись на коробки с инструментами и старыми календарями, тут же распили всю бутылку целиком. А потом папа еще отправил брата в магазин за местным пивом – «отполировать» виски и заодно познакомить гнома с родной продукцией. Шеф, сделав первый глоток, довольно крикнул. Отец его зауважал, ибо мало кому нравится наше пиво «Лютос». И еще час спустя оба в обнимку вывалились из кладовки, папа пел:

– Мин синэ яратам!

А гном в такт, путаясь ногами, пританцовывал то, что он называет обычно, когда выпьет, шотландским степом. Трезвым он вообще не танцует, но мне всегда было интересно, как бы выглядели эти козлиные прыжки, попытайся он изобразить их в трезвом виде...

Еще через час общего гуляния брат доложил, что у ворот топчется высокий мужчина в очках, очень похожий на мистера Смита из «Матрицы». На всякий случай я не стала открывать недавно запертые мною же от бесконечного наплыва соседей ворота, а сначала открыла крышку почтового ящика на калитке. В узкую щель мигом уперлись строгие глаза в темных очках. Да, это он! Один из ученых, наших вечных конкурентов, постоянно придумывающих новые каверзы, чтобы показать превосходство их организации над нашей.

– База ученых послала меня поздравить семейство Орловых, – медленно и неизменно зловещим тоном заявил он.

Вот уж поистине от кого не ждали, потому было вдвойне приятно. Я устыдилась своего недоверия и поспешно отперла и гостеприимно распахнула перед ним ворота.

– И вот еще это, вам обоим, – тем же ровным тоном добавил посланец, протягивая письмо. Конверт были запечатан сургучной печатью с оттиснутой на ней... громадной волчьей лапой! На конверте стояло «Густаву и Жаннет Курбе».

– Откуда это у вас? – вдруг встревожилась я.

– Не беспокойтесь, это не новая охота на Жеводанского Оборотня.¹² Так, всего лишь случайная встреча. Просто мы

¹² Жеводанский Оборотень, или жеводанский зверь, – загадочное волкоподобное существо, зверь-людоед, терроризировавший французскую провинцию Жеводан (ныне департамент Лозер), а именно поселения в Маржеридских горах на юге Франции с 1764 по 1767 год. Жертвами жеводанского зверя стали около 230 человек, из которых 123 были им убиты и съедены.

были в тех же краях.

Я, выровняв дыхание, поскорее вскрыла письмо... Там была открытка от семейства Волка, вот ее содержание:

«Поздравляю тебя, дорогой агент Густав Курбе, ты самый счастливый мужчина на свете! Искренне рад за тебя, и помни, что у тебя есть верный друг Волк, всегда на страже вашего счастья.

Р. S. Дорогая Жаннет, если этот мужчина хоть раз тебя обидит, я его убью».

За такое послание не пригласить агента Смита в дом было просто невежливо. Хоть он и лицемерно отвязывался, ссылаясь на занятость и более важные дела, зато потом бодренько забежал внутрь, сел за стол и стрескал всю мамину пахлаву, которую невесть как еще не успели доесть хоббиты.

Еды, конечно, не хватило, я только и успевала бегать к телефону заказывать пиццу и на кухню – делать бутерброды из того, что подвозили из продуктового магазина брата.

Наши соседи уже не замечали, что за столом сидят люди и нелюди, танцуют грифоны, произносят тосты биороботы и взад-вперед снуют вечно жующие хоббиты, лазая по шкафам и ящичкам. Всем было хорошо, все танцевали, все пели, и напоследок, когда ученый подрался с шурале, мама подошла ко мне, обняла за плечи и счастливо вздохнула:

– Ну вот, слава аллаху, настоящая свадьба, дочка, все как у людей...

И вот тут в двери ввалился тот самый Фарид, о котором

говорила мама как о запасном варианте для меня. Пьяный шкафообразный громила с открытой бутылкой шампанского и двумя чахлыми розочками, подозреваю, сорванными в нашем же саду, под носом у верблюдов.

— Где невеста, э? Я тут пришел к вам жениться, как договаривались, — нагло заявил он, обозревая всех затуманенными глазами.

На секунду установилась всеобщая тишина. Потом покрасневшая мама принялась оправдываться, что это она думала, будто Алекс не придет, и пригласила Фарида. Так, чисто на всякий случай, для смеху! Но это все неправда, потому что... потому!

— Значит, вы надо мной подшутили, а я не позволю над собой шутить! Сейчас разнесу здесь все... на фиг! Не больно-то мне и хотелось, она у вас какая-то худышка... тьфу!

Профессор первым вышел вперед и, в два прыжка взобравшись по его одежде, с размаху влепил Фарида две пощечины! Он повалил совершенно обалдевшего от боли и удивления горе-жениха на пол и, сев ему на шею, принялся музуть по полной. Тот с матом пытался отцепить агента 013, но сразу было видно, что ему еще не приходилось драться с боевыми котами. Остальные включились чуть позже, и хорошо еще нам не пришлось вызывать милицию, которая и без того искала нас для выяснения многих вопросов...

Эта потасовка только добавила радости гостям и упрочила славу нашего бракосочетания как самой удачной во всех

отношениях свадьбы, которую соседи будут вспоминать еще долго...

Хвала Аллаху!

История третья

Гофман и крысиный король

Кот вломился в нашу комнату с утречка, когда мы с мужем как раз решили проспать завтрак, вернее, заменить его более интересным и приятным занятием. Но в дверь так тарбанили, что Алексу волей-неволей пришлось вставать, натягивать штаны и, тихо ругаясь сквозь зубы, переться открывать. Я демонстративно накрылась одеялом с головой, когда услышала, как мой любимый поворачивает ключ, а потом говорит неестественно громким голосом:

– А-а, агент 013, ты... эм... не совсем вовремя. Не мог бы ты... в смысле... попозже...

То есть кто угодно понял бы, извинился и ушел. Но не наш Профессор! Увидев, что мы оба дома, он вальяжно прошмыгнул между ног моего супруга, Я вынужденно высунулась из-под одеяла и стукнула подушку кулаком, представляя, что это пушистое пузо котика. Все равно не встану, пусть думает обо мне что хочет! Или я его сейчас той же подушкой...

Но этот нахал уперся в меня суровым взглядом, упорно не замечая щекотливости ситуации и стоящего в воздухе напряжения от нашей молчаливой надежды, что он все-таки опомнится, извинится и уйдет. Не тут-то было, Профессор нико-

гда не отличался особой чуткостью, если был с головой захвачен какой-то идеей, а сейчас, похоже, именно такой случай. Полубезумный восторг читался на его пышноусой морде, и любые желания напарников (то есть нас!) попросту игнорировались.

– Нас ждет обалденная работа в баварском городе Бамберге! – радостно провозгласил он, запрыгивая на стул и закручивая вокруг себя роскошный хвост. – А вы что, еще дрыхнете?! Вставайте, сонные лентяи, дело срочное, пора собираться в путь. Мы едем спасать ЕГО!

– Кого это – его? – переглянулись мы с мужем.

– ЭРНСТА ТЕОДОРА АМАДЕЯ ГОФМАНА!!! Крысы-филистеры, чей дешевенький, тусклый быт он высмеивает, хотят утащить его в свой мир. Мир обывателей, мещан и полной бездуховности, зная, что как писатель он там погибнет. И уже не создаст «Житейских воззрений кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, случайно уцелевшими в макулатурных листах» (одно название чего стоит!), мою любимую книгу, которую ты мне читала на ночь, когда мы только познакомились.

– Ты это помнишь, как мило, – всплеснула я руками, расстроившись, но тут же помрачнела и сузила глаза, вспомнив все. – Я тоже не забыла. Ты заставлял меня это делать!

Мурзик подобрался и принял боксерскую стойку, приготовившись держать оборону. Я понадежней обмоталась про-

стыней и, примериваясь, подняла за ухо подушку...

– А что за такие особенные крысы? – встал между нами командор.

– Сие покрыто тайной, которую нам и предстоит раскрывать. Известно только, что они весьма коварны, у них свой король и неизвестная даже ученым магия.

– Но вроде бы именно таких крыс он обессмертил в «Щелкунчике»! Отомстил им, как тому прусскому чиновнику в «Повелителе блох», – радостно вскинул вверх кулак Алекс.

Мы с Профессором удивленно уставились на него.

– Ты читал «Повелителя блох»?! – с легкой недоверчивостью спросила я. – Даже я не читала, хотя мы его изучали в институте.

– А я преподавал это своим студентам, – скромно заметил кот, и мы обменялись с ним понимающими взглядами. Как преподают, так и читают...

– И почему вы оба считаете меня недалеким солдафоном? – надулся мой муж. – Да, читал. Еще до знакомства с тобой читал, между прочим. И кстати, там одну из героинь зовут «романтическим именем Алина».

– Может, это он после встречи со мной написал? – размечталась я. – В смысле, мы сейчас съездим, спасем его, и он обо мне напишет.

– Не льсти себе. Алина там старая уродливая служанка, любящая прикладываться к бутылке и нюхать табак, – осадил меня кот.

– Ты забываешь про вторую – маленькую, соблазнительную Алину, в которую влюбился главный герой. Она похожа на мою жену и твою напарницу, – возразил командор, глядя на агента 013 так, что тот смилостивился. Запугать его могу только я!

– Что-то, видимо, осталось в глубинах его подсознания после того, как мы стерли ему память об этих событиях (ну или сотрем, без разницы), – задумчиво пробормотал пушистый умник. – Что-то, что трансформировалось впоследствии хотя бы в одного бессмертного «Щелкунчика».

– Стерли память? Мы?! Это варварство, так нельзя поступать с гениями! Ведь природа гениальности до сих пор не изучена. Научными методами ее не познать, как и секреты устройства мозга роботов. Или про роботов я путаю? Все равно. Навредить гению легко. Даже одним неверным словом. Не то что грубым удалением целого пласта информации с подкорки мозга. Неужели мы это сделали?! Боже, как мне стыдно, что я не смогла вам помешать. Он мог ТАКОЕ написать об этих проклятых крысах! А впрочем, если остался «Щелкунчик», то не так страшно. – Я сразу успокоилась, прекратила размахивать подушкой, и мои мужчины смогли поднять головы. – В конце концов, всегда можно вернуться и изменить будущее.

– «Щелкунчика» вполне достаточно. Не всегда подробное описание подлинных событий бывает интереснее и лучше фактов, перемешанных с фантазией, – кивнул Профессор. –

Но зато автор будет жить как жил раньше – без тяжких воспоминаний, способных потрясти его и без того слабую нервную систему.

– Да, как это точно! Вот, например, рассказ Стивена Кинга про безумного писателя, который кормил человечков, «живущих» в его пишущей машинке, бутербродами с колбасой, считая, что эта обжористая мелюзга помогает ему выдавать высокохудожественную прозу. – Я начала одеваться, демонстративно не обращая внимания на сконфуженно отвернувшегося кота. – Его жене каждый день приходилось чистить машинку, конечно, когда он не видел. В конце концов он окончательно сбрендил и стал носить этот печатный агрегат вместо шляпы, когда шел дождь. А сама идея, я почти уверена, пришла Кингу оттого, что он, как и все, любил перекусить, не отрываясь от компьютера. И так как делал это регулярно, то в конце концов, клавиатура у него забилась крошками, а на следующий день опять все работало, как будто эти крошки съели какие-то маленькие существа, живущие под клавишами...

– Интересная мысль. Но ты можешь заранее не беспокоиться за здоровье Гофмана, мы еще не знаем, как все сложится, возможно, что нам и не понадобится стирать ему память. Просто предотвратим похищение, вступив в схватку с крысами.

– Вообще-то это резонно. Мы не можем проникнуть в мир этих крыс отсюда. Это как с татарскими сказками. Если не

начнем играть по их правилам, которых в данном случае мы вообще не знаем, – подтвердил мой муж.

– В любом случае последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Поэтому мы и должны спасти Гофмана до того, как крысы его одолеют и утащат к себе.

– Как Щелкунчика?

– Да, Алиночка. Потому что тогда может произойти непоравимое. Даже мировая история изменится, а мы этого не заметим, – с мудрым видом заключил кот, доставая из-под мышки очки. Потом он протер их лапкой и важно взглянул на нас сквозь исцарапанные его же коготками стеклышки. – Я поясню. Вроде бы звучит неправдоподобно – как это мы не заметим изменений самой истории? Не заметим, что у нас вдруг выросли щупальца? Именно! Просто не задумаемся об этом, ибо мы уже с ними родимся. Конечно, до сих пор не было зафиксировано подобных случаев. Но если, например, вдруг окажется, что Толкиен не написал «Властелина Колец»?!

– Это будет большой удачей для нас, слишком все с этими хоббитами носятся! С этим их я бы сказала: «лже-мордорским синдромом», – вставила я, но меня игнорировали. По-моему, совершенно незаслуженно. Впрочем, как и всегда...

– К счастью, такие вещи случаются чрезвычайно редко, все они были вовремя и успешно предотвращены нашими спецagентами, профессионалами самого высокого класса... Что уж скромничать, скажем честно – нами! Жеводанский

зверь прекратил свои злодеяния, я имею в виду не честного Волка, а семейку Шастелей. Как и Джек Попрыгунчик,¹³ и шурале, и Ворон, и сотня других...

– Он был благороден и по-своему даже помогал людям. – Я мысленно нырнула в прошлое и с тоской вздохнула. – Ах, вот бы съездить к нему в гости...

Алекс понимающе посмотрел на меня, конечно, это я не о шурале, тем более что то сейчас успешно работает лесником-агрономом у нас на Базе. Он, конечно, все еще чуточку ревновал, но тут же улыбнулся и обещал, что к Волку мы обязательно съездим. Может, даже сразу после возвращения из Бамберга. Честно-честно...

И я, счастливая оттого, что мы снова увидим нашего друга, все мысли и силы бросила на основательную подготовку к новому заданию. То есть взяла и перечитала «Щелкунчика»! Надеюсь, что это поможет мне углубиться в дело. Хотя кот и насмехается периодически над моей любовью к детским книжкам, у него самого до сих пор любимая вещь «Ветер в ивах», а я обожаю «Щелкунчика», что тут поделаться, не меньше, чем Профессор своего мистера Крисси.

Но на самом деле это задание действительно было для ме-

¹³ Джек Попрыгунчик – ночное страшилище с огненно-красными глазами, которое орудовало в Англии в 1830-1870-х годах, пугая прохожих. Он легко перепрыгивал через 14-футовую стену (более 4 метров), его не могли поразить пули. Второе явление Джека относится к 1904 году, когда он на глазах толпы свободно перепрыгивал с крыши на крышу высотных домов на расстояние до 30 футов (более 9 метров).

ня очень важным. О Гофмане я в свое время прочла книгу, написанную по воспоминаниям современников, и жизнь его меня тогда так потрясла, что я даже некоторое время воображала себя Юлией, его ученицей и Музой.

В костюмерной мы приоделись соответственно моде, царившей тогда в маленьких немецких королевствах. Я наде- ла платье из белой кисеи с высокой талией и глубоким декольте. Не подумайте, не собираюсь никого соблазнять, при живом и красивом муже, можно сказать, лишь смирилась с требованием моды!

Для меня еще нашлись похожие на балльные кремовые туфельки с ленточками, длинные лайковые перчатки (которые, правда, сразу сползли с локтей гармошкой, и я недолго думая от них избавилась), зонтик (если в Бамберге будет дождливо, или, наоборот, слишком солнечно) и расшитая бисером шелковая сумочка-кисет. Довольно вместительная, кстати, я даже подумывала спрятать туда бластер или длинноствольный кольт...

Слова кота о том, что на улицу мы выходить не будем, меня не убедили. Неизвестно, как обернется дело и доведется ли мне еще когда-нибудь носить зонтик, так идущий к моему платью. На шею я повесила медальон, в который, вырезав овалом, впихнула фотографию, где командор и агент 013 дрались из-за сворованного котиком коня во время партии в шахматы. Коня видно не было, но фотка мне нравилась, у них там такие выражения лиц...

Для Алекса подобрали фрак в талию с пышными плечами и зауженными манжетами. Плюс белая рубашка со стоячим воротничком, которая делала его еще обворожительнее, стильные панталоны и черные туфли-лодочки с большими квадратными пряжками. На пояс он повесил парадную румынскую саблю. Кот презрительно отверг предложенный мною чепец с огромным розовым бантом, критически оглядел нас с командором, заявил, что «попрет», и убежал обнявшись на прощание с Анхесенпой и котятами.

– А это не будет незаконным вторжением на частную территорию? – спросила я полчаса спустя, усевшись боком в кресло в центре фойе, пока Алекс настраивал переходник.

– Мы только и занимаемся, что незаконным вторжением. И к шишкам покрупнее вламывались без приглашения, к Рудольфу Второму,¹⁴ к дожу и так далее, – снисходительно напомнил Мурзик, возможность разъяснять что-либо всегда доставляет ему удовольствие.

– Сравнил! Это же всякие короли и властители, они мне никогда не нравились. А Гофман – это... Он же гений! Бамберг – это святое место, там он творит, ведь именно там были написаны «Фантазии в манере Калло», там ставились его пьесы, там он встретил Юлию! – восторженно перечислила я и упавшим голосом добавила: – И потерял ее навсегда... Какая боль!

¹⁴ Рудольф Второй (1552–1612) – император Священной Римской империи; самый знаменитый в истории покровитель астрологов и алхимиков.

– Верно, – с сомнением откликнулся кот, покосившись на меня. – Кстати, ты сама не хочешь в театральный кружок записаться?

Он вдруг вытащил блокнотик из ниоткуда, как Мурка-помощник у Майкрософт:

– Я отменил последнее занятие, Анхесенпе показалось, что Негритенок простудился, а он, оказывается, просто сунул нос в банку с кофе в лаборатории у гоблинов и весь вечер чихал. У меня тут есть для тебя одна интересная ролька, пальчики оближешь...

Негритенок, он же Эфиопчик, Шахтер, Уголек, Чертенек, Чиганашка, Мазут, Агент 014 и Стальной Царапка – старший из трех котят Пушка в браке с египетской кошкой Анхесенпаатон (сокращенно Анхесенпой), черненький, как вы уже, наверно, догадались. Кто-нибудь скажет, что Негритенок совсем не политкорректное имя, но не называть же его из деликатности афрокотенком?! Он не так глуп, чтобы обижаться. Я его вообще грязным ниггером называю, когда он рвет мне колготки, в то время как для Профессора он просто Любимчик. Есть еще рыженький Мандаринчик с раскосыми глазками, самый умный, и трехцветная Абиссинка, женственная, словно Нефертити. Ой, что-то мы отвлеклись от Гофмана, но ладно... Кошки превыше всего!

– А как он проник в лабораторию? Вы же его запирали в тумбочку от греха подальше...

– Ха, да разве его удержишь? Он настоящий ученый, вы-

литый я в мои молодые годы, полон исследовательского духа и неукротимой жажды знаний. А у гоблинов всегда столько интересного...

– Хорошо, что обошлось. Но зачем мне какой-то театральный кружок? – отмахнулась я. – Нет, не буду некуда записываться. Я и так слишком талантлива во всех отношениях. А что, у нас планируются свои спектакли в кабинете шефа, что ли, но мы все туда не влезем...

– В столовой, с разрешения Синелицего, там много места, если отодвинуть столы, – пояснил Алекс, не уловив замешательства мохнатого товарища, с которого я не сводила взгляда. – Любимая, вспомни, я тебе про это рассказывал. Просто ты в последнее время с головой ушла в эти свои книги по нумерологии, так что пропустила еще и открытие театра «Плачь, Шекспир, стреляйся, Чехов!».

– Круто, и кто придумал название? Ага, понятно, этот полосатый скромник...

– Ты права, Алиночка, – поспешно перебил меня кот. – Название еще не утверждено окончательно. Первое представление будет пока там же, в столовой. Но это временно!

– Да, многие великие театры начинались с сараев и овинов, а то и просто в загоне для свиней! – поддержал друга командор.

Я подозрительно посмотрела на Алекса. Подобные живописания не в его обычае, да еще таким восторженным тоном. Но вдруг вспомнила, что видела мельком, как он чи-

тал в библиотеке книгу «Сто великих театров» и торопливо ее закрыл и перевернул, как только я подскочила к нему и прыгнула на шею. Если он так испугался, может, это не просто любопытство проснувшегося в его душе рядового зрителя, может, он сам хочет стать актером?! О боже! Мой муж – актер затрапезного театрала на Базе, зажатого между кухней и продуктовым складом. Что можно придумать хуже?! Теперь мне обеспечивать семью, пока он будет строить карьеру провинциального лицедея с минимальной зарплатой... Вэк!

– Что ты на меня так странно смотришь? – смутился он. – Я хочу сыграть Гамлета...

Мои наихудшие предположения подтвердились. Но следующая мысль меня слегка приободрила.

– А кого я буду играть? Видимо, Офелию, да?

– Нам вообще-то нужна была уборщица. Но если ты хочешь играть... – как будто удивленно протянул кот, скотинка маленькая. – У меня есть для тебя роль, хорошая, яркая, психологическая. Но пока, конечно, без слов.

– Уборщица?!

– Да! Милочка, я потому и намерен дать тебе хотя бы годик попрактиковаться со шваброй, чтобы в следующем сезоне ты убедительно сыграла девицу твоих лет, нервную уборщицу в лаборатории Мари Кюри.¹⁵ Если пройдешь кастинг,

¹⁵ Мария Склодовская-Кюри (1867–1934) – великий физик и химик Франции, полька по происхождению. Лауреат Нобелевской премии по физике (1903) и химии (1911).

конечно...

– Я подумаю, – скрипнув зубами, я сжала кулаки и...

– Ну, все параметры в норме, держись, напарники! Мы летим в страну баварских сосисок и пива! – Алекс спас Пурика, нажимая на кнопки и обнимая меня.

У меня еще не прошла черная злоба на кота, как мы уже стояли в маленькой комнатке на чердаке, с минимумом мебели, мутным окошком и двумя дверьми. Одна была входная, вторая вела в комнатку, похожую на кухню.

Великий писатель Гофман в желтом шлафроке спал на узкой лежанке, повернувшись к стене. Он казался таким маленьким, когда лежал так, свернувшись калачиком. У кровати стояли выдавшие виды пыльные башмаки. У одного была сломана пряжка. Он не проснулся на шум нашего прибытия, хотя видно было, что сон у него тяжелый и беспокойный. От этой трогательной картины у меня засосало под ложечкой...

– Да-а, это не жилище, достойное его великого таланта и трудолюбия, – тихо констатировал кот, озираясь кругом.

Алекс сразу же на цыпочках вышел в соседнюю комнату, дабы осмотреть ее на предмет крысиных норок достаточно-го размера, чтобы протащить человека. Здесь же на первый взгляд таких не было, что он опытным взглядом определил сразу, а мы с агентом 013 задержались ради одного. Одного, но какого(!) экземпляра кошачьего рода!

На кипе исписанных листов на столе спал раскинувшись полосатый черно-серый кот крупнее и толще самого Про-

фессора. Причем спал (как я поняла с замиранием сердца) на бесценных рукописях своего хозяина. Тут же валялись нанесенные быстрым почерком ноты к музыкальным произведениям того же Гофмана (у меня бы перехватило горло от восхищения, если бы я хотя бы одно из них слышала). Даже наш агент 013 выглядел подтянутым атлетом по сравнению с этой тушей из жира и шерсти.

– Ну что, деточка, по-прежнему считаешь меня ленивым жирдяем? – не преминул язвительно поинтересоваться Мурзик, кивая на хозяйского кота.

Я не удостоила его ответом. Тут агент 013 встал на задние лапки и, подтянувшись, стащил на пол несколько листов рукописи. Прямо на моих изумленных глазах он принялся их черкать и править явно заранее припасенной гелевой ручкой с фиолетовой, под цвет чернил пастой. Совершая подобное кощунство, этот наглец еще и возмущенно бурчал себе под нос, нисколько не боясь разбудить великого писателя:

– Кто так пишет?! Да любой студент-словесник еще на первом курсе скажет вам, что так писать недопустимо! Что за вульгаризмы, лишние и давно устаревшие эпитеты, откуда такие короткие предложения?! Это вам не Довлатов...¹⁶

Я с ужасом вспомнила, что по первому образованию наш Профессор филолог и не может спокойно смотреть на стилистические и морфо-эпические ошибки. В этом случае для

¹⁶ Сергей Донатович Довлатов (1941–1990) – известный советский писатель-диссидент.

него авторитетов не было и нет, в нем засел червь уверенности, что он знает, КАК надо писать. Правда, мои собственные литературные труды Пушок никогда не правит, зная, что я не Гофман, могу и по шее дать. Осознав, что он творит, я аккуратно положила зонтик и сумочку на пил и бросилась отрывать его от рукописи, оттаскивая за задние лапы, но он ловко отпихивался и невнятно обзывал меня «суфражисткой». Узнаю, что это за слово, – вообще убью...

– Мя-ау? – недоуменно и сонно спросил кот со стола, открывая один глаз.

Я поскорее схватила самоуверенного Мурзика за шкурку и поспешно выволокла в соседнюю комнатку, которая действительно оказалась кухонькой. Кот вроде снова уснул. Пора чинить разборки...

– Не трожь хоть здесь ничего, – прошипела я. – Твое самомнение дошло до крайней точки! Совсем стыд потерял?!

– Да я только... кусочек кренделя, – виновато проговорил мой муж, поспешно дожевывая и сглатывая. Видимо, осмотр кухни он закончил...

– Я не тебе, милый, что ты! – нежно улыбнулась я. – Ешь, пожалуйста, все, что найдешь, если только это не крысиный яд. – И я снова обернулась к нашему надутому Пусику: – А ты, ты... Как ты мог вообразить, что умнее Гофмана?! Хочешь, я скажу, в чем разница между вами? Он великий писатель, а ты блохастый мешок, набитый ненужными знаниями! У него есть Мурр, чтобы править рукописи, и он уж на-

верняка лучше тебя со всем этим справляется.

– Вы оставили объект без присмотра, мало ли... – осторожно начал Алекс, и тут вдруг из соседней комнаты послышался какой-то треск и слабый вскрик.

Мы все бросились туда, отпихивая друг друга. Мужчины прошли первыми, а у меня застряла дурацкая юбка с кринолином. Зрелище, представшее нашим взорам, предназначалось не для слабонервных...

Гофмана в комнате уже не было, а на полу впритык к печке зияла большая черная дыра, в которой исчезали его ноги. Командор в прыжке попытался схватить ускользящего писателя, но поздно, в его руках остался только башмак со сломанной пряжкой. А следом, шмыгнув из-под стола, в ту же дыру нырнула жуткого вида крыса с исписанными листами в передних лапках, успев смерить нас презрительно-злобным взглядом. Я бы перехватила ее, но из чувства брезгливости притормозила. Этого мгновения оказалось вполне достаточно для коварного грызуна – похитителя рукописей. Мы остались стоять над дырой, которая по краям потрескивала мелкими голубыми искорками.

Я глубоко вздохнула и с короткой молитвой Аллаху шагнула вниз. Бдительный Алекс поймал меня почти на лету и резко вытянул вверх.

– Эта дыра не между этажами, она между мирами! Они могли закрыть вход с той стороны, и тебя тогда попросту расщепит на атомы!!! Или останется половинка, вторую уже не

найдут. Такое происходило с нашими агентами не раз. Те, кто суется в неизвестную магическую зону, нарушают правила личной безопасности, а расплата высока.

В этот момент дыра затянулась, на ее месте вновь появились устилающие пол потерянные некрашенные доски.

– Но это же был портал, а мы не успели! Надо быть активнее, трезвомыслие не всегда срабатывает, как ты сейчас сам убедился. Может, они его уже загрызли! О небо, мы погубили самого Гофмана! Я себе этого никогда не прощу... И вам обоим тоже!

Мой муж хмуро молчал, продолжая обнимать меня, успокаивающе поглаживая по плечу.

– Успокойся, деточка, кто тогда написал все его еще не опубликованные литературные произведения? Уж не этот чемодан сала точно! В нем ни грамма того интеллекта и мудрости, что приписывал ему Гофман, – фыркнул агент 013.

Мимо прошествовал, зевая и не обращая на нас никакого внимания, как будто мы всю жизнь делили с ним одну коммуналку, а совсем не чужаки на его территории, кот Мурр. С заплывшими жиром крошечными глазками, массивным тупым носом и скользящим по полу брюхом – умопомрачающая видуха...

Вэк! И это его Гофман называл «чудом кошачьей красоты», приписывая ему «вид, достойный греческого мудреца»?! Вот я хоть и люблю агента 013, но не так слепо. И, кстати, сам Пушок очень даже ценит, что я не просто заме-

чаю все его недостатки, но и не забываю ему о них лишний раз напоминать! Пусть не расслабляется под лучами самопровозглашенного гения, котам это вредно...

Меж тем Мурр вышел на кухню, мы все обалдело устремились за ним. Он одной лапой распахнул дверцу буфета, выкатил оттуда горшочек со сметаной, содрал с нее когтями перетянутый веревочкой пергамент и принялся лакать.

Тут Профессор хлопнул себя по лбу:

– Как я не догадался сразу! Он предатель! Он слишком спокоен для кота, на глазах которого крысы утащили его хозяина. Более того, держу пари, он все знал заранее!

Литературный прототип повернул к нему перемазанную в сметане мордочку, как бы спрашивая: как это можно подозревать его, честного кота? «Неужели вы думаете, что я чем-то мог помочь, а раз совесть моя чиста, почему бы мне не быть спокойным?» Я уже почти поверила в его невинные глазки, но агент 013 вдруг решительно устремился к собрату, сгреб его за шиворот, несмотря на то что Мурр был гораздо крупнее и тяжелее его, и (я не успела вмешаться!) отвесил ему две хлесткие пощечины.

– Мяу-а-у, как вы смеете?! – возопил кот, приведя нас всех троих этим возгласом просто в остолбенение.

Наш усатый агент был так потрясен говорящим Мурром, что тут же его отпустил, а сам шлепнулся на хвост, разводя лапами, как рыбак в пивнушке. Профессора можно понять, он с младенчества шел по жизни, уверенный в своей исклю-

чительной уникальности. И тут второй говорящий кот! Это как если бы мир перевернулся и килька стала напропалую жрать китов вместе с китобоями, а мыши объявили суверенитет и неприкосновенность.

– Так-то лучше, – брезгливо отряхнувшись, фыркнул писательский кот.

– Вас зовут Мурр и вы говорите!.. Это правда?

– Знаете мое имя? – с высокомерным недоумением поинтересовался толстяк.

– Конечно, я про вас читала! – воскликнула я, всей душой захваченная интересом к этой новой неординарной персоне. – Ваш хозяин столько о вас написал!

Он действительно разумен! И действительно говорит! А значит, вполне мог помогать Гофману! Ах, может, только благодаря ему его хозяин прославился как самый неординарный сказочник! Гений кошачьего ума, смешанный с человеческим талантом, вот что сделало бессмертными его творения! А может, этот кот и музыку сочинял, сидя за клавишном?

Я живо представила, как он с сосредоточенным выражением на морде перебирает пухлыми пальцами клавиши, убрав когти и время от времени записывая ноты на бумагу, творя ту самую «Ундину». Агент 013 вперился в меня своим самым едким взглядом, но я сделала вид, что не заметила, и не сменила восторженного выражения лица.

– Он не раз обещался всякие бредни про меня насочи-

нять, неужели уже выполнил угрозу? – задумался Мурр, потеревив капризно выпяченную губу. – Но я думал, что его никто не читает, кроме пьяного издателя. Да и тот не до конца и урывками...

Да, общеизвестно, что при жизни Гофмана его соотечественники были не очень высокого мнения о его литературном даровании. Но чтобы даже его кот...

– Хм, вообще-то книга о вас стала очень известной. – Я куда менее почтительно посмотрела на этого «вдохновителя» самой романтической души Германии. – И там написано, как вы помогали ему, притворяясь, что относитесь к его записям как к макулатуре!

– Мура, мура-оу! Какие глупости, очень мне надо было лезть в его писанину, увольте! Он даже не знал, что я говорю! Иначе точно засадил бы меня за каторжную работу – переписывать его каракули и исправления, в которых он сам ни черта не разбирает! Вот, взгляните только на эти кипы измаранной бумаги. Мусор, мусор, не более...

Воспользовавшись случаем, я заглянула в «гениальные каракули».

– Это же его бесценные рукописи! Ой, «Крошка Цахес»! – восторженно взвизгнула я, разобрав на немецком имя злокозненного карлика, гадкого альрауна.¹⁷

¹⁷ Альрауны – в мифологии и фольклоре европейских народов духи низшего порядка, крохотные существа, обитающие в корнях мандрагоры, очертания которых напоминают собой человеческие фигурки; они дружелюбны к людям, однако не прочь подшутить над ними, порой весьма жестоко. Альрауны умеют пе-

– А я вам говорю же, ма-ку-ла-тура. Бесценные рукописи, как же! Заберите с собой, если так нравится, весь стол завален этим барахлом, мне уже спать негде, – снисходительно выдал хозяйский кот, покрутив своей жирной задницей, спихивая на пол лежащие с края листы и приминая оставшиеся бумаги на столе, чтобы улечься поудобней.

Вот жирный нахал! Если бы Гофман не любил так этого толстого негодяя, судя по «Житейским воззрениям» и словам его современников, я бы охотно дала коту под зад. И это тот редкий случай, когда агент 013 мне бы даже поаплодировал...

– Это его дурацкая автобиография, написанная под чужим именем, – продолжал котяра, яростно вцепившись зубами в свой бок в попытке загрызть надоедливую блоху. – Есть! Думал сбежать от самого Мурра, презренный кровосос?! Я бы на месте его издателя и связки сарделек за все эти бумажки не дал...

– По сюжету романа о тебе ты сам пишешь его и как раз на листах автобиографии Иоганнеса Крейсlera, капельмейстера, учителя музыки и композитора, под которым Гофман подразумевал себя. Ну вот же, это страницы рассказа Крейсlera во дворце у князя, на празднике, где он впервые повстречался с Юлией. А вот эта потрясающая сцена в парке, когда он, рассердившись, выбросил свою гитару, а Юлия ее нашла и своей игрой на ней и пением возбудила любовь в

его сердце...

Я глубоко вздохнула и повернулась к насупленному агенту 013:

– Когда я читала тебе про Мурра, мне казалось, что он похож на тебя: «О Мурр, божественный Мурр, величайший гений нашего достославного кошачьего рода!» А теперь, видя вас рядом, понимаю насколько ты выше этого неблагодарного толстопуза. Цени, Пусик!

– Ценю! Хотя и не помню, чтобы ты когда-нибудь кого-нибудь цитировала, девочка, – разомлел Профессор. – Я думал, ты забываешь прочитанное, как только переходишь на следующую строчку.

Вот маленькая усатая язва. Тем не менее я невольно зарделась от редкой похвалы и с трудом удержалась от того, чтобы его не потискать! Все-таки мы на службе.

Пока кот с Алексом экстренно совещались, что делать дальше, Мурр закусил очередной блохой. Да это скорее «Повелитель блох», чем тот самый Мурр. В романе Гофмана он хоть и любит себя, но все же умный энтузиаст со светлой душой. Может, все-таки удастся его пристыдить...

– Неужели ты совершенно не беспокоишься о своем хозяине? По свидетельствам многих его друзей и знакомых, он тебя буквально обожал, а над твоим смертным одром рыдал, как... – я осеклась, но уже не могла не закончить, – когда ты умирал, он ходил как убитый, как будто при смерти находился его близкий родственник, а не просто толстый кот!

– Ффр-р, глупости, я никогда не умру, у меня девять жизней! Как я устал вас слушать, выметайтесь отсюда живо, иначе я такой вопль выдам, сразу захотите в Баден-Баден...

– Почему в Баден-Баден? – не могла не спросить я.

– Лечить нервную болезнь, которую я вам обеспечу, несносные людишки.

Нахал с трудом задрал голову, начав истошно и пронзительно выть, меняя тембр и силу голоса, то отрывисто и по кругу, как пожарная сирена, а то и удлиняя вой, как сигнал воздушной бомбардировки. Жутко-о, аж до мурашек по коже...

– Сейчас прибегут соседи. Или начнут стучать в стены, – запаниковала я, льстиво улыбаясь. – Ну, Мур-рчик, хватит уже. Смотри, ты не доел свою сметанку!

– Что ты с ним церемонишься?! Лапы за спину, два пинка по почкам и допрос с пристрастием – вот все, что его ждет! – вмешался агент 013, бросаясь на опешившего жирдяя. Пять секунд – и тот был скручен, уложен мордой в лужу сметаны и придушенно молил о пощаде. – Колись, волчара позорный! Что знаешь о похищении Гофмана, куда его увели, кто за этим стоит?!

Командор лишь восхищенно присвистнул. Я была с ним абсолютно согласна. Одно удовольствие смотреть со стороны, как работают профессионалы. Но я тоже не сидела без дела и пару раз от души шлепнула Мурра зонтиком по соблазнительно пушистой попе! Надо же было помочь напар-

нику, хоть моя зарплата и меньше, чем у кота, но я привыкла ее отрабатывать. Несчастный мигом растерял все свое достоинство...

– Я сам давно собирался уйти от этого горе-романтика, у которого копченый окорок появляется раз в году, на Рождество, да и то если год был удачным, – гнусаво изливался толстяк, давя на жалость. – Но я невиновен! Я ни в чем не участвовал! Вы ничего не докаж...

– Вот кто тут первый филистер. – Отбросив зонтик, я сердито ткнула Мурра пальцем в розовый нос.

Он возмущенно цапнул меня за руку, ухитрившись на секунду вывернуться из лап Профессора, тот перехватил его поудобней. Увидев кровь, я поспешно сунула палец в рот. Ну и манеры у этого кошака, а Гофман еще изображает его изысканной утонченной натурой. Розовые очки он носил, что ли? Так сильно любить этого противного жиртреста...

– Это же твой хозяин, который воспел тебя, обессмертил! Может, ты и вправду в сговоре с крысами? Отпусти его, агент 013, он от нас не уйдет. А ты говори, отступник!

Освобожденный Мурр уселся подальше от Профессора и со страдальческим видом подвигал плечами, проверяя, все ли суставы на месте.

– И сдался вам мой хозяин? Что до меня, так я только рад свободе и тому, что больше не услышу его бормотания: «Милый Мурр, какой у тебя чудный-чудный хвостик, а не пора ли нам почистить эти прелестные ушки?» Ненавижу-у...

– Все хозяева кошек одинаковы, – растроганно признала я, бросив контрольный взгляд на уши Профессора, он заметил и, смерив меня неприступным взглядом, прикрыл их лапками.

– Да, я признаю, что его утащили крысы. И в этом нет моей вины, он сам нарывался...

– Но ты им не помешал! – Я вновь обратила свой гнев на Мурра и не удержалась, чтобы не дать ему в нос повторно. Палец, кстати отдернула вовремя...

– Не надо быть такой злопамятной, фройляйн, – огрызнулся кот, мрачно потирая носопырку. – Что я мог в одиночку?! Их было слишком много, они бы и меня тогда утащили, а я еще не дописал книгу всей моей жизни! Ладно-ладно, – скривился он под моим презрительным взглядом, – я не пишу книг... Но в душе я поэт и восприимчив, как все поэты, а их отвратительный король просто-таки поверг меня в трепет и омерзение! Все мои члены сковало ужасом, как выразился бы писака, с которым я делил сей кров.

Кажется, этот бахвал опять пытается представить себя лучше, чем он есть, да еще взывает к состраданию. Но, несмотря на несносный характер и предательскую натуру, все-таки Мурр был немцем, и свойственная его нации сентиментальность в нем возобладала.

– Хорошо, ваша взяла... Как подумаю, что там с ним сейчас вытворяют, может быть, режут на куски и делают мясные рулеты, а может, медленно шинкуют на сосиски. Скажу, что

видел! Они утащили его вместе с рукописью, которую называли вредной (по мне так ничего полезного он и не писал), а еще кричали, что он угроза обществу.

– Значит, мы должны спасти не только Гофмана, но и рукопись! Что это было за произведение? – спросил мой муж.

– Канне... бешшяжные мыши, – не совсем разборчиво пробормотал кот в ответ, потому что опять принялся вылавливать блох и его рот был набит шерстью.

Какие еще бешеные мыши? Меня аж передернуло от ужаса... Гофман в руках у бешеных мышей, какой кошмар! Это не то что адекватно-вменяемые крысы, это... это... Но Алекс тут же меня успокоил, переспросив:

– Крайне бессвязные мысли?

У него профессиональный слух! Редкое умение при словманном медальоне-переводчике (которые, по словам старожиллов Базы, раньше часто выходили из строя, пока их не усовершенствовали) самому разбирать речь любого монстра и жителя параллельных миров при любой дикции, тембре, высоте и громкости голоса. Когда еще у меня такие таланты выработаются. Завидую по-черному...

– Тьфу! Ну, очередной его глупый рассказ так называется! «Крайне бессвязные мысли». Я бы так рассказы не называл, нет и нет, фройляйн! Это же неуважение к читателю...

– Что было дальше?! – рявкнула я.

– Дальше? А, с моим хозяином, что ли?! Да ничего, просто одна из крыс пропищала слово «Кракатук», в полу от-

крылась ла дыра. Они его туда и запихнули...

– «Кракатук»? Как орех из «Щелкунчика»? Ерунда какая-то... И это точно все? Если ты что-то замыслил и пытаешься сбить нас с толку, наша месть будет безжалостней мести жены убитого самурая! Сам Профессор так настучит по твоему мягкому пузу своими мощными кулачками, что ты похудеешь вдвое! У него разряд по боксу, первое место у нас на Базе, это там, где мы работаем, – зачем-то добавила я, но уже без особой угрозы.

В последнее время, когда думаю о Базе, на меня почему-то накатывает нежность...

Кот Гофмана сдвинул брови покосившимся домиком.

– Да, несносные людишки, это все! Мурр врать не станет, то есть сейчас я говорю вам всю правду. Надо сказать «Кракатук» и... стукнуть хвостом об пол, – добавил он, отворачиваясь.

– Вот толстый проныра! Хотел скрыть про хвост!

Мурр высокомерно потупил очи, изображая оскорбленную невинность.

– Ну, один из нас троих точно с хвостом. А этого предателя просить, я думаю, не стоит. Давай, напарник, читай заклинание и бей, – предложил командор неуверенно переминающемуся агенту 013. Пусик явно побаивался просто провалиться в магическую дыру...

– Если ты сделаешь это для нас, то обещаю прыгнуть первой, – сказала я, гордо выпрямляя спину.

Профессор подозрительно сощурился на Мурра, еще немного поколебался, но встал в центре комнаты. На его мордочке была написана самая отчаянная решимость. О, как же он был прекрасен, наш полосатый герой... Влюбиться можно!

– Алекс, если со мной что не так, отомсти этому мерзавцу! – попросил кот и громко добавил: – Кракатук! – И... слабо стукнул хвостом по полу.

В то же мгновение от места удара начало разливаться золотистое сияние, агент 013 мигом отпрыгнул ко мне под ноги. Прямо на некрашенных досках возникла и стала быстро расширяться густая магическая чернота, та самая, что мы наблюдали, когда крысы похитили Гофмана. Надеюсь, соседи снизу не слишком в претензии...

– Я боюсь туда прыгать, – заскулила я, прижимаясь к плечу мужа.

– Ага, теперь уже ты боишься! Но делать нечего, деточка, подбери юбку и прыгай. Сама ведь хотела!

Я задумчиво посмотрела на злорадного Пушка, он тут же округлил глаза, прочитав в моих свой приговор, но сбежать не успел. Я перехватила его за пушистый хвост, размахнулась и отправила в полет в дыру, откуда еще долго доносился его возмущенный вопль! Кажется, я раньше такого не проделывала, но то, что опыты лучше делать на лабораторных животных, а не на людях, – неизменный факт. К тому же наш хвостатый камрад не раз уже демонстрировал свою удиви-

тельную кошачью живучесть в самых экстремальных условиях.

Мурр не на шутку испугался, когда увидел мое обращение с Профессором, и, похоже, уже глубоко сожалел о своей хамской несдержанности. Алекс пытался мне помешать, но только для вида, чтобы агент 013 не почувствовал себя совсем уж брошенным не только в физическом, но и во всех смыслах.

Золотое сердце у моего мужа, и я за ним тянусь, и у меня получается, пока дело не коснется нашего хвостатого напарника. Кот любит иногда по старой памяти меня изводить, а я его. За это я его еще больше обожаю, хотя достоинств, которыми в нем можно восхищаться, хоть отбавляй! Уф, заболталась...

Мы переглянулись с мужем. Он незаметно кивнул и прыгнул, я, набрав в грудь побольше воздуха, зажмурилась и, сжав в руках сумочку и раскрыв над головой зонтик, – за ним. Спросите, зачем зонтик? А я знаю?! Чисто автоматически, да так и веселее...

Мы упали на что-то гибкое, желтое и пахучее. Сырный пол?! Пахло точно – сыром, и ощущение такое же, как если падаешь на школьные маты на физкультуре. Открыв глаза и оглядевшись, я поняла, что мы попали в восьмиугольную комнату с зеркалами в ажурных рамах, вырезанных, кажется, из того же материала, то есть из сыра, кое-где художественно покрытого плесенью. Алекс подал мне руку и помог под-

няться.

Нашего кота нигде видно не было. Куда он успел подеваться? Разве только в одном из этих зеркал есть незаметная дверца для домашних животных, потому что другого выхода я пока не видела, что ничуть не пугало, скорее наоборот. Я покрутилась с зонтиком на плече. Если кого-то зеркальная комната может свести с ума, то скорее мужчину, женщине только в удовольствие разглядывать себя сразу в восьми отражениях. Алекс сосредоточенно простукивал стены на предмет выхода, явно думая только о судьбе напарника.

– Хватит заниматься самолюбованием, мы на задании, – строго заметил он, но тут же поспешил смягчить свои слова: – Мне тоже трудно оторвать от тебя взгляд, но я стараюсь, и ты соберись, родная, пора уходить отсюда.

– Ты нашел выход?! Как, когда успел, милый?

Он победно улыбнулся и без слов легонько толкнул одно из зеркал...

Ух ты! Мы действительно попали в крысиный мир. Если приходящая с зеркалами на это намекала, то следующая комната не оставляла никаких сомнений. Настораживало только то, что это и близко не было похоже на подвалы с канализацией. Правда, воняло тут не меньше...

С другой стороны, как могло быть иначе, если все сделано из самых разных сортов сыра? Мебель, ковровые дорожки, картины, портьеры, все так тонко сработано, даже гнутые ножки и спинки кресел, и ажурные занавески, и кружевные

покрывала... Цвета от белого до горчичного, от янтаря до заплесневелой густой синевы. На стенах пейзажное панно – зимний лес – тоже из сыра. На полу цветная мозаика из самых твердых сортов сыра, с не без вкуса подобранными оттенками слоновой кости, лугового меда и голубоватой зелени рокфора. Кому как, а меня впечатлило круче любого супермаркета!

Что здесь было не из сыра, так это елки. Да, я их оставила напоследок, потому что это было самое чудесное из всего, что предстало нашим глазам. Сами елки были настоящие, но убраны к Рождеству игрушками и гирляндами из сыра. Фигурки животных, птиц и рыб, звезды, яблоки, орехи в золотистой фольге и, кажется, все кроме фольги – сырное! Мощцарелловый¹⁸ серпантин, мишура из гауды,¹⁹ копченые «косячки» протянулись по диагонали под потолком.

– В «Щелкунчике» сказано, что Мышильда держала большой двор за печкой. Но тут как-то все слишком аппетитно и художественно для запечного королевства. Я тоже хочу жить как крысы! Нет-нет, это не упрек, что ты меня не обеспечи- ваешь, – поспешно уверила я насупившегося Алекса, нежно беря и целуя его ладонь.

Вдруг из-за большой, покрытой плавленым сыром двери в центре комнаты отчетливо донесся мелодичный звон коло-

¹⁸ Мощцарелла – молодой итальянский сыр; родина – область Кампания. Классическая мощцарелла производится из молока черных буйволиц.

¹⁹ Гауда – твердый голландский сыр, производящийся в одноименном городе.

кольчика.

Дзинь-дзинь-дзинь...

У меня загорелись глаза.

– Ой, прямо как в «Щелкунчике», когда дети ждали халвадных рождественских подарков, жадно надеясь, что им накупили не меньше, чем они заказывали. Посмотрим и мы, чем одарил нас младенец Христос, – потерла я ручками в алчном нетерпении.

Створки дверей сами собой бесшумно приотворились. Какие только чудеса не увидели мы, подойдя к дверям и застыв пораженно на пороге. Огромная елка, раза в три больше тех, что стояли в передней (только так теперь можно назвать ту комнату, которую я приняла за главную залу; эта оказалась куда великолепней, чем я могла себе представить, читая Гофмана). Нарядные куклы, игрушечная посуда...

О! Пригодится для агента 013 с женой и котятками, решила я и, оглядевшись по сторонам, спешно запихнула маленькие кастрюльки, чашечки и блюда в сумочку.

Алекс тем временем с раскрытым ртом рассматривал деревянных солдатиков ростом с трехлетнего ребенка или средних лет барсука – в красных мундирах, с плюмажами и кокардами. Они были расставлены в каре под елкой. Пехота была впереди, как и полагается пушечному мясу, а кавалерия выстроилась по флангам. Драгунские офицеры с подрисованными усами, на стройных белых лошадках с шеей коромыслом. И никакого сыра!

Впрочем, лично для меня деревянные вояки были не так интересны, как картонные книжки со складными картинками. Стоило их раскрыть, как вставляли сказочные башни, в которых томились принцессы с двадцатиметровыми волосами (прямо из Книги рекордов Гиннесса) и тощие принцы в скрывающих отсутствие мускулатуры латах; утопающие в ромашках и розах домики цветочных ведьм и позолоченные кареты, везущие Золушек на королевский бал.

Я только принялась за книжку под интригующим названием «Король и его любимый паж», наверно о том, что никакая социальная пропасть не может помешать дружбе двух настоящих мужчин. Но они как-то уж больно пылко обнимались на каждой странице, на мой целомудренный вкус, что я оставила книжку и тут во второй раз за последние пять минут застыла с открытым ртом, уставясь на противоположную стену.

– Будь начеку, – предупредил меня Алекс, подозрительно рассматривая голову деревянного коня на палке, прислоненного мордой к стене. Но я заметила себе гораздо более интересную вещь. На стене висело красное шелковое платье! Мой размер и рост, это даже отсюда видно. Не в силах больше сдерживаться, я подбежала к нему и с вождением прихватила к себе.

– Какое милое-премилое...

– Не трогай! Оно может быть пропитано ядом! И не говори как героини Гофмана, – поморщился командор, осторож-

но отводя мои руки от платья.

– Цитировать классиков еще никто не запрещал. – Я выпятила губки и, воспользовавшись тем, что Алекс отошел и оглядывает комнату профессиональным взглядом, пытаюсь обнаружить скрытые ловушки, приложила платье к себе.

– Нет! – закричал мой муж, подскакивая и вырывая у меня обновку.

– А кто его мог отравить? Какой-то ты сегодня мнительный...

– Крысы! Чье это, по-твоему, логово?

– Крысы? Эта такие маленькие, смешные, с усиками? – фыркнула я.

– Маленькие с усиками – это мыши! А о крысах не стоит думать так снисходительно. Они не глупее людей, а может, и умнее некоторых.

– Ты на кого намекаешь?! – обиженно нахмурилась я, загребая платье, вцепившись в него, как в родной флаг, который у меня пытается отобрать вражеский солдат. – Чтобы отравить платье, по крайней мере нужно разбираться в химии. Сомневаюсь, что у них есть специалист по ядам такого сложного уровня.

– Дай сюда, – не сдавался Алекс.

– Тебе оно не пойдет! Тебе красный цвет не к лицу. Тебе больше идет голубой, нет-нет, не в том смысле. Хотя ты и дружишь подозрительно крепко с котом. Ой, опять не то хотела сказать, я совершенно не пытаюсь разбить вашу су-

ровую мужскую дружбу!

– Пока мы здесь с тобой занимаемся глупостями, враг, может быть, уже на подходе. Ладно, можешь поддержать его немного у себя, но если что...

Наконец-то оставшись с платьем вдвоем, я зарылась в него лицом.

– Фу! Пахнет крысиным пометом, но ничего, отдам в прачечную на Базе, пусть постирают два раза, в режиме деликатной стирки, конечно. Или духами побрызгать?

– Ты не замечаешь здесь ничего странного? – тихо спросил мой муж, на цыпочках обходя залу.

– Кроме гробовой тишины? – спросила я, следя за ним и невольно начиная пугаться.

Рядом что-то зашуршало, и не успела я даже сообразить, откуда доносится этот пугающий шорох, как снова зазвенел колокольчик.

– Откуда он звенит?! – с видом взявшей след милицейской собаки громко прошептал Алекс.

Впрочем, лично меня в отличие от него мелодичный звон, наоборот, успокоил.

– Милый, мы же в сказке. Этот волшебный звон рождается в воздухе и таинственен, как само Рождество, – вздохнула я, глупо улыбаясь.

– По-моему, ничего таинственного в Рождестве нет. Родители покупают подарки...

– Не порть мне настроение, нам прямо тут кто-то созда-

ет настоящую сказку, а ты еще недоволен. Берешь пример у этого хвостатого зануды, нашего кота?

Командор обиженно посмотрел на меня, нахмурился и скрестил руки на груди.

– Не нужна мне никакая сказка. Сейчас даже не Рождество.

– Быть может, в этом чудесном месте каждый день Рождество! – восторженно предположила я.

– Такого не бывает.

– А все наши мутанты, призраки, упыри, вервольфы, за которыми мы вечно гоняемся, бывают? – начала сердиться я. – Они ведь тоже волшебные, легендарные, мифические...

Впервые после свадьбы мне захотелось серьезно поспорить с любимым мужем. До этого момента он мог считать, что весь лимит скандалов и ссор был исчерпан до нашего брака. Согласитесь, такую вежливую, скромную, верную и послушную жену, как я, надо было еще поискать, а он...

Опять портит мне романтический вечер! Коверкает тут все своим критическим умом, может, мы вовсе не в мире усатых грызунов, может, мы промахнулись и попали в мир Рождества! Недаром кота рядом нет, он-то, видимо, угодил к крысам, сегодня ему не везет, бедняге. Но почему медлит новое чудо, ведь не просто так же звенело? Ведь что-то после этих колокольчиков должно произойти?..

– Хватит, пойдем отсюда, не нравится мне это место. Но тут, опередив наш уход, в полу открылся люк, и в комнату

медленно поднялся большой торт в виде гигантской крысы в короне, восседающей на пьедестале из человеческих черепов. Килограммов десять вафельных коржей, повидла, безе и миндальных пластинок. Оказывается, звенела от тряски металлическая тележка на колесиках, на которой возвышался этот извращенческий кулинарный шедевр, а отнюдь не праздничный рождественский колокольчик. Вэк... У меня опустились руки.

– Значит, это все-таки их мир. Какое разочарование, стоит только на миг поверить в чудо, как тебя грубо хватают шершавыми когтистыми лапками и швыряют на бранный сырный пол. Нет, этот свет создан для прагматиков, они в девяти случаях оказываются правы. А в десятом правы, конечно, мы, но толку с этого...

– Нас кто-то запер, пока мы тут глазеем на торт! – зарычал Алекс.

Мой герой с ходу попытался выбить кажущуюся тонкой дверь плечом. Я тоже решила ему помочь и, отложив красное платье (забуду я его, как же, ждите!), поизображала разгневанную гориллу, бросаясь на дверь кулаками, и ногами, и всем телом. Результат нулевой, тонкость оказалась иллюзорной, каш семейный тандем проигрывал...

– Какой я дурак...

– Не ругай себя, милый, ты не виноват, что у тебя нет глаз на затылке.

– Я не должен был поворачиваться к ней спиной!

«Ну, вообще-то да, – подумала я. – В конце концов, ты у меня старший по званию, ты мой супруг, да, кроме того, и просто мужчина. С тебя и спрос по всей строгости!»

Мы вместе по кругу обошли торт. На нем было написано шоколадом «С наилучшими пожеланиями от Крысиного короля». Думаю, скорее всего это сарказм...

– Если Крысиный король тут, тогда где Щелкунчик? Разве не должен был он, если следовать логике заказчика такого торта, до поры до времени затаиться под елкой, являя собой самое грозное оружие? Стоило бы тебе или мне схватить его в умилении на руки, вставить орех, куда он ему там вставляется, в рот и дернуть за деревянный плащик, как рвануло бы так, что отозвалось бы даже в бункере у Бен Ладена.

– А если, наоборот, рванет что-нибудь в торте?

– Ой, да брось...

– Алина, не время для шуток, я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось. При вступлении в брак я обещал Бэсу защищать тебя до самой смерти и твоим родителям тоже.

– А я – оставаться рядом с тобой в горе и в радости, но про бомбы там ничего не говорилось, – сказала я, убирая руки за спину и беззаботно прыгая вокруг мужа. – Давай пока порадуемся? А горе...

– Горе будет, если ты сейчас же не отойдешь подальше от меня и торта!

– Слушаюсь, командир, – притворно смирилась я.

Он вытащил из кармана резиновые перчатки, не торопясь надел их и, присев перед тортом, начал его тщательно изучать. Разноцветные проводки, один из которых надо осторожно перерезать кусачками, ниоткуда не торчали. Алекс достал ручной металлоискатель и провел им вокруг торта. Где-то на уровне ножек Крысиного короля прибор отчаянно запыликал.

– Что это значит? Все чисто? Уф... Я так и знала. Везде тебе видятся бомбы и яды.

Алекс, не отвечая, осторожно взялся за поднос.

– Там что-то тикает. В любом случае нам нужен люк под этим кондитерским чудом, через него можно будет отсюда уйти, но сначала скинем туда торт. Кажется, поднос сдвигается. Ладно, была не была. Отойди к стене! Сейчас я его... одним махом... и...

И в этот момент на нас и напали подлые крысы! Деревянные солдатики вдруг распались надвое, и из них выскочили и с ходу ринулись на нас потоки серых грызунов с воплями:

– За Крысиного короля! За филистерскую Германию! – Они сидели внутри все это время, как хитрые греки в троянских конях. И как только вытерпели в такой тесноте, ну и подготовка! Теперь понятно, кто шуршал в комнате...

Нас окружили со всех сторон, угрожая самой жестокой расправой царапанья, кусания, попыток удушения хвостами, не переставая визжать, пищать и шипеть:

– Мы вас порвем на мелкие кусочки, двуногие истязатели

крыс!

Все это было так неожиданно, что мы с мужем в первый момент просто растерялись.

– Мы никого не истязали, все претензии к ученым, – робко попыталась оправдаться я, но кто меня слушал...

– Лицемеры, все люди виновны перед нами!

Голоса у них были пронзительные, тихие, тонкие и противные.

– Все человеки – наши кровные и классовые враги!

– Вот гадкие альрауны. Лучше б вы не умели говорить. Столько оскорблений выслушивать ни за что ни про что...

– Здесь нет альраунов, это крысы, – устало напомнил командор, хватая лопаточку для торта, лежавшую на подносе, и готовясь отбиваться от крыс. Но они пока не нападали...

И тут я увидела, что эти негодяи всей кучей истоптали еще ни разу не надеванное красное платье, которое я уже считала своим. На чудеснейшем шелке виднелись тысячи мелких затяжек от их противных коготков!

– Не-э-э!!! – я завизжала не хуже наших серых противников.

Алекс затрясся, кажется, ему было бы проще бороться с великанами, которые бы трубили, как слоны, и пытались нас растоптать огромными ножищами, чем с тонко пищащей и вопящей мелюзгой, а тут еще я добавляю фальцетом. Пришлось извиняться...

– Знаю, милый, прости! Но тут можно высказаться только

«по-гофмановски» или матом, другие слова на язык не идут! Скажи им, чтоб они оставили свои кунштюки²⁰ и поговори-ли, как нормальные люди с... э-э... как разумные существа с разумными существами!

– Вы не заставите нас плясать под свою дудку! – злобно пискнула одна из крыс, самая крупная. – Откуда вы взялись и зачем, отвечайте?

– Гуляли мимо, – пробурчала я. А что, пусть докажут?!

Но, видимо, такой ответ их не удовлетворил, и кое-кто с наиболее взвинченными нервами уже попытался полезть в атаку. Я отважно отмахивалась зонтиком, заставляя отступать эту копотливую и назойливую серую рать. Но они лезли со всех сторон, окружали и уже бегали по спине и рукам, щекоча хвостами в носу, а один особо наглый, утвердившись на моем плече, с сосредоточенной упорностью пытался затянуть свой шершавый хвост у меня на шее.

– Ах ты, маленький... ведьменьш... звереныш... – выдавила я, задыхаясь и падая на колени.

Алекс тяжело вздохнул, покачал головой и одновременно ловким ударом лопаточки для торта отправил возмущенно вякнувшую крысу в недолгий полет до противоположного угла комнаты. Его собратья полезли мстить...

БА-АБА-АХХ!!!

Торт все-таки взорвался! Мой муж героически прикрыл меня собой, и мы вместе укатились под елку. Большие паху-

²⁰ Кунштюк – хитрость, трюк, проделка (нем.).

чие еловые лапы спасли нас, прикрыв от разлетевшихся по комнате и сразивших многих крыс в самое пузо острых ку-сочков вафельных коржей.

Стены были заляпаны кремом, стоны и вопли раненых висели в гулкой комнате, а к моим ногам подкатился небольшой круглый морщинистый орех неизвестного мне вида. В тех местах, где он не был в креме, сияло золото, что я привлекло мое внимание. Я протерла его о платье и поскребла орех ногтем. Не из драгметалла, так, дешевая позолота. Если только это не тот самый...

– Кракатук? – изумилась я, задумчиво слизывая крем с пальцев и разглядывая орех.

– Что ты сказала?! – удивленно повернул голову Алекс.

Мы все еще лежали под елкой. А что? Здесь самое уютное место во всей разгромленной комнате с кучей стонущих крыс и так смолисто пахнет свежей елью.

– Кракатук! Это такой волшебный орех из «Щелкунчика», который надо было раскусить юноше, никогда не брившемуся и не носившему сапог, чтобы принцесса Пирлипат вновь стала прекрасной. Не являюсь специалистом в области юношеского бритья, но в тексте орешек тоже был позолоченный, как и этот. Отсюда и предположение, что это может быть только легендарный Кракатук, – скромно заключила я.

– А-а, ясно... Меня, кажется, слегка оглушило. Поэтому я тебя не сразу расслышал. Интересное предположение, но это может быть и любой орех с елки, благо здесь их больше

средней нормы на квадратный метр.

Ах, вот как, он просто не сразу расслышал, а я думала, поражен моей находкой и попадающей в точку догадкой. Ладно, милый, попросишь ты у меня яичницу...

– А как же он тогда попал в крысиный торт, если не был специально положен в него?

– Почему ты решила, что он вообще был в крысином торте? – продолжал допытываться Алекс, как будто я ему логическая машина. – Тем более что к взрыву он, похоже, никакого...

Мой муж прикрыл глаза и потер лоб.

– Что с тобой, родной? – Я испуганно обняла его и пылливо осмотрела с головы до ног, ища признаки контузии.

– Все прошло... в порядке... – пробормотал он, пытаясь выползти из-под елки. – Нам надо уходить...

Я поддерживала его, как недобитого царского офицера, даже выволокла наружу и кое-как поставила на ноги. Но он со стоном упал на одно колено, повис на мне и потерял сознание. А уцелевшие крысы наступали, торжествуя скаля зубки и грозно пристукивая хвостиками.

Сначала любимый кот, потом верный муж. Я дважды «вдова», мне оставалось впасть в горе, ужас и панику одновременно...

– Алекс, очнись, любимый, не покидай меня! – умоляла я, сидя на полу и прижимая его голову к груди.

Но он молчал, и глаза были закрыты, а кожа стала бледной

и прозрачной, как слой сахарной глазури на кексе у прижизненного пекаря. Я осторожно положила командора головой на самодельную подушку из самых больших кусков вафель и мстительно поднялась в полный рост...

— Ну все, получайте, убийцы!

Я в неистовстве расшвыривала их, била, пинала, пока...

...они не повалили меня на пол и всей толпой прижали сверху. Какая только зараза на нашу голову так хорошо обучила их искусству рукопашного боя? Военная подготовка у ребят не хуже, чем у сепаратистов Ким Ир Сена в партизанском отряде.

— Торт предназначался Гофману, — зачем-то призналась одна из крыс, стряхивая с лапок крем. — А вы, в конце концов, кто такие?

— Вы только что убили моего мужа, а теперь вежливо так интересуетесь, кто мы такие?! А это что, украденные у мастера рукописи?! Отдайте сюда, живо!

Пара крыс зажимала под мышками стопку похищенных у Гофмана листов. Только сейчас они были изрядно пожеваны по краям и измяты.

— А вы верните нам Кракатук, — резонно потребовали крысы.

— Да ни за что, пока не получу рукопись. И если хоть один лист пропал... — Я выдержала угрожающую паузу, но фразу не закончила. Господи, когда мой Алекс неподвижно лежит у моих ног, как я могу думать о какой-то там рукописи, даже

если бы это был первый вариант Библии! На мгновение мне стало жутко стыдно...

Но мы же на задании. И Алекс, кажется, тихо, но дышит. Я начала успокаиваться. В чем смысл кражи рукописи? Почему крысы так дорожат этим занюханным орехом? Хотя, если это действительно тот самый Крак... Ай!

Один серый злодей стал кусать мне руку, вынуждая разжать пальцы и выпустить орех, но я извернулась, укусила его самого за хвост, он возмущенно обернулся, в свою очередь выпустив мою руку. Всего на мгновение, но этого хватило, чтобы я сунула орех в рот! Все...

– Нэ похохихе, инахе я ехо ахуху, – сразу же заявила я.

– Чего-чего, милейшая? – спросила тощая крыса, наклоняясь ко мне, чтобы получше расслышать, и тут же получила подзатыльник от той, что была покрупнее.

– Идиотка, не понимаешь, она грозит раскусить наш орех, если мы не выполним ее условия! Девушка разозлилась не на шутку, потому что потеряла своего самца.

– Хпопо, нч похохихе, ойте на эсте! Оухи, вох вам.

– Олухи?! Какое бесстыжее оскорбление! – возмутился ближайший из крыс, пробегая по моему животу, встав у меня на груди, как на пьедестале, и гневно размахивая лапками перед моим носом. – Мы этого не потерпим! Мы свободный народ, не уступающий вам, людям, ни ай-кью интеллекта.

– Дуралеи, молчите, не видите разве, у нее наш орех!

– А я думала, у нее флюс, – близоруко щурясь, заметила

другая, туповатая крыса.

– Сходи к окулисту, – злобно посоветовала стоящая рядом седоусая сутулая подруга, отвечивая слепошарой удар игрушечной сабелькой плашмя по заднице.

– Если бы он у нас был, – горько всплакнула крыса, уворачиваясь от второго удара.

Ну и нравы у этих грызунов, да у нас на Базе хоббиты и то культурнее. Или это во мне говорят патриотические чувства?! База давно стала для всех ее жителей второй родиной, а для некоторых лабораторно выращенных типажей и вовсе единственной.

Волею судьбы я попала туда, когда мне грозила опасность стать жутким монстром. Потом осмотрелась, устроилась на работу, прижилась и вот даже вышла замуж... Тем более что слово «монстр» для нас не оскорбительное. Почти каждый сотрудник Базы в какой-то степени монстр для общества, а у нас он уникален. Опять же кроме хоббитов. А может, их просто слишком много, чтобы мы замечали исключительность отдельных представителей мохноногих, но факт, что пользы для общества от них никакой. Растраты одни...

И тут, скосив глаза, я, к своему безмерному восторгу, заметила, как Алекс перекатился на живот и приставил кремневый пистолет к виску сутулой крысы с сабелькой. Та с неохотой выпустила из лапы свой клинок...

– Как ты узнал, что это их главарь?! – восхищенно воскликнула я, вынув изо рта орех, стряхивая напуганных крыс

и приседая рядом. От волнения и радости даже не догадалась броситься ему на шею. — Они же все похожи друг на друга, как Буратины на мебельной фабрике!

— Но-но-но! Не знаем, кто такой этот ваш... буратин, но попросим без... вот этого! — потирая спину, буркнул тот самый крыс, которого я укусила за хвост. — Все равно наше дело правое и мы победим!

Он прыгнул вперед в последней, отчаянной попытке завладеть орехом, зажатым у меня в кулаке, но был отфутболен под елку небрежным пинком моего мужа. Других охотников повторить героический шаг своего товарища временно не нашлось.

— Они защищают его, Кракатук не должен быть разгрызен.

— Отпустите нашего генерала и отдайте орех. И мы вас не тронем, — мрачно подтвердили насупившиеся крысы.

— Не много ли условий? — фыркнула я, складывая на груди руки, но ни на секунду не забывая об орехе. Нет моего доверия этим серым пройдохам, ни капли нет!

Алекс твердо стоял на ногах, я была так рада, что он жив и может двигаться, но все равно жутко за него боялась, поэтому, не удержавшись, тревожно спросила:

— С тобой все хорошо? Ничего не болит? В голове не шумит? Пульс ровный?

— Да, а что? — Обычно он понимал меня с полуслова.

— Как что, взк?! А кто тут несколько минут назад... почти умер?! — Я заплакала.

– Милая, но я не нарочно, – встревожился он, пытаясь обнять меня и удержать на мушке главную крысу. Я отстранилась, чтобы вытереть слезы, и гордо выпрямилась.

– Ничего, я понимаю, бывает... Просто так, имела в виду лишь... что... О шайтан безрогий! Да ты лежал как труп, я думала, тебя убили! Или ты хотел бросить меня?!

– Что за греческая драма, – буркнула в седые усы крыса-генерал, с высокомерным видом отступая в сторону.

– Заткнись, – щелкнув курком, предупредил его командор. – Где вы держите Гофмана?!

– Он должен был войти сюда вместо вас. Но этот мечтатель весь из себя такой непредсказуемый, что просто бесит... Мы это не учли. Он всегда будет там, куда его завели его же бредовые фантазии.

– А поконкретнее?

В ответ дружно прозвучала презрительная тишина. Иначе не скажешь...

– А может, он на Леденцовом лугу? – вдруг с издевкой в голосе пропищал какой-то крысеныш.

– Кто тебя за язык дергал? Они же наши враги, изменник! – ахнули взрослые крысы.

– Я сказал «может», – надменно пискнул крысенок. – Мы ведь и не отпустим их на Леденцовый луг. Вот и пусть мучаются...

– О небо, сколько разговоров! Попасть бы наконец к Гофману, и куда это кот...

Я хотела спросить: «Куда это агент 013 запропастился?» – но не успела. Какая-то сила оторвала меня от пола и метнула к люку, из которого появился торт-бомба. Его охраняла потрепанная шеренга крыс, прикрывая от нас этот путь отступления. Я успела только поджать ножки, разметая пышными юбками ошеломленного моей красотой противника, как меня утянуло в люк! Недолгий мрак, слепящий свет, звон в ушах и...

Когда пришла в себя от одуряющего аромата земляники, мандаринов и, кажется, еще переспелого банана, оказалось, что сижу на чем-то твердом и липком под ласкающими лучами солнца. По первому взгляду на усыпанном цветами лугу, разумеется, никакого люка для поднятия тортов над головой нет, только бескрайнее синее небо. Но почему так жестко сидеть?

Я отломила ближайший цветочек и лизнула его. Действительно, леденец, и такой вкусный! Я увлеклась, забыв даже о муже, не то что о всяких там исчезнувших котах. Тем более их в последнее время уже не один, а двое – уникальных. Тем не менее больше трех минут не думать об Алексее не получалось, и я начала грустно напевать:

– Будь со мной, будь со мной, будь со мной всегда ты рядом...

В ту же секунду командор шмякнулся рядом. Он упал как будто с неба, мое падение, наверное, выглядело так же. С другой стороны, какая разница? Главное, что мы снова вме-

сте!

– Проклятая трава, прямо как стекло, – проворчал он, кривясь и зубами выдергивая из ладоней мелкие осколки разбившихся леденцов.

Я отметила, что листики на каждой травинке и вправду были очень острыми. Мне-то падение смягчили юбки. Куча леденцовой травы и цветочков при этом попросту поломалась. Но любимого следовало утешить, и я протянула ему, как лошадке, самую красивую охапку стебельков...

– Это леденцы, попробуй! Хочу найти со вкусом тархуна.

– Клубника, – лизнув, определил Алекс.

– Жаль... А у меня ромашка с вишневым вкусом. Тархун было бы здорово, я по нему ностальгирую, по советскому, в стеклянных бутылках. Ах, милый, ты никогда не узнаешь, что это такое...

Но мой бдительный муж, как всегда, не терял нити следствия и не отвлекался на ерунду:

– Интересно, как это произошло? Ты застыла, как памятник королю гномов, тебя оторвало от пола, я даже не успел броситься на перехват, как ты исчезла в люке. Поднялся оглушительный визг, все крысы ужасно возмутились. Воспользовавшись паникой, я выхватил рукопись из их цепких лапок и, прорвавшись через живой заслон, прыгнул вслед за тобой. Но там оказался лифт для поднятия еды. То есть я стоял на какой-то платформе, и только голова торчала над полом, идиотская ситуация... Они бы растерзали меня за

минуту, такая радостная кровожадность читалась на их мордах. Ну, нос отгрызли бы точно... Я уже приготовился к драке, решив выпрыгнуть обратно, как вдруг зала внезапно исчезла, и я очутился здесь, рядом с тобой. Кстати, падать было больно...

– Перед тем как ты рухнул с неба, я именно это и произнесла вслух! Сказала, что хочу, чтобы ты оказался рядом со мной! А у крыс, перед тем как меня подхватило, ляпнула, что хорошо бы попасть к Гофману. Мои желания сбываются! И я знаю почему... Это Кракатук! Это он их исполняет!

– Но самого Гофмана пока что-то не видно, – оглядываясь по сторонам, заметил Алекс.

– Он должен быть где-то рядом, профессиональным чутьем чую, иначе бы нас обоих не забросило на Леденцовый луг, о котором крысенок говорил как о местопребывании нашего подопечного.

– Возможном местопребывании, – уточнил недоверчивый к чудесам командор. – Кстати, а где этот Кракатук? Дай мне его.

– Вот он, бери. Ой, нет!

Орех неожиданно выпрыгнул из моих рук и упал на землю. Вернее сказать, в леденцовую траву, и на наших глазах его засосало под леденцовый газон. Земля разгладилась, заблестела, и никаких следов Кракатука не осталось близко!

– Вэк...

– Да уж.

– Ладно, придется дальше самим. Хорошо, что ты спас рукопись. Умница! Лучший способ завоевать доверие писателя и расположить его к себе – это вернуть дорогой его сердцу черновик с «гениальными каракулями»!

– «Крайне бессвязные мысли»... – Мой любимый достал из-за пазухи смятые листы, подумал и сунул их обратно. – Это у меня становятся крайне бессвязными мысли, когда ты рядом...

Он привлек меня к себе. Я счастливо рассмеялась и крепко прижалась к нему, но тут же выпустила из объятий, увидев движущуюся от леса фигуру. А надо сказать, что луг заканчивался этим самым лесом с деревьями, явно тоже леденцового происхождения, потому что они совсем не шевелились на ветру. Сердце высоко подпрыгнуло в груди...

– Это он, – шепло прошептала я, голос внезапно пропал.

Я сжала руку Алекса, привлекая его внимание к приближающемуся к нам странного вида человеку, который мог, должен был быть только Гофманом! Он летел (это был не оптический обман, я хорошенько протерла глаза) сантиметрах в двадцати над землей, и полы его фрака развевались наподобие крыльев гигантской птицы.

– Какой необычный способ передвижения он выбрал, – вскинув брови, сухо заметил командор.

– Не более странный, чем то, что местная трава сделана из вареного сахара и фруктового сиропа. В этом мире все необычно. Это же мир ЕГО фантазий...

Опустившись на землю шагах в двадцати от нас, человек подошел к нам, мягко улыбаясь. С трубкой во рту, в фиолетовом фраке, черных атласных брюках, смешном колпаке, невысокого роста, он выглядел довольно эксцентрично. В этом мире Гофман преобразился, вид у него был самоуверенный и одежда другая, яркая и привлекательная, хотя похитили его в желтом ночном халате. Еще необычным в его внешности было то, что у него была только одна туфля, потому что вторую он оставил в руках Алекса. На этой ноге сейчас красовался лишь белый шерстяной носок, но похоже, что великого писателя это нисколько не смущало...

– После прогулок по дивному Марципановому лесу весьма освежительно выйти снова на залитый солнцем ароматный Леденцовый луг. Ого! – вдруг вскричал он, прямо как его герои. – Ого! Вы принесли мой башмак, любезный господин!

Алекс с поклоном выудил из кармана фрака еще одну туфлю и протянул Гофману. Тот сердечно пожал ему руку и обулся полностью.

– Сунул в карман еще в квартире, видишь, пригодилось, – ответил на мой изумленный взгляд Алекс.

– Позвольте представиться, ваш покорный слуга Эрнст Теодор Амадей Гофман, по призванию художник и музыкант, но по ничтожной необходимости, ниспосланной жестокой судьбой, слуга закона. Надеюсь, временно...

Командор поклонился, я сделала почтительный книксен.

– Весьма польщен знакомством, сударь. Я Алекс Орлов, посол российского императора его величества Александра ко двору Крысиного короля, а это моя дражайшая супруга, фрау Алина.

– Алина, королева Голконды,²¹ – таинственно прошептал Гофман, глядя на меня одухотворенными сверкающими глазами.

– Так вот какими судьбами, друзья мои, вы оказались в этих столь прекраснейших краях, – счастливо воскликнул этот забавный гений, я заметила, что трубка у него погасла. – А я уже некоторое время гуляю здесь один, предаваясь приятнейшим размышлениям.

Крысиное царство называть прекрасным? Как тяжела и беспросветна должна быть его жизнь в реальном мире, чтобы чувствовать себя счастливым здесь, в плену у крыс, и закрывать глаза на то, чего, он не мог не видеть, что все эти красоты лишь запудривание мозгов...

– Мне не хватает только моего пюпитра с нотами и чернил. А не найдется ли у вас случайно полезительного табачку, дорогой друг? – важно и с достоинством спросил гений, обращаясь к Алексу, явно убежденный в получении только утвердительного ответа.

Когда, выбивая трубку, он услышал, что Алекс не курит,

²¹ «Алина, королева Голконды» – рассказ французского писателя маркиза де Буфле (1738–1815), сюжет которого лег в основу популярных во времена Гофмана одноименных опер и балетов.

то очень удивился и сказал, что нынче все студенты употребляют табак, в особенности виргинского сорта, и даже добавил пару фраз о его «пользительности». Мой муж угрюмо кивал, упреки в некурении его явно раздражали. Кстати, курить-то ему частенько было просто положено по «легенде», но я в этих случаях жестко предупреждала, чтоб на поцелуи даже не рассчитывал.

– Это тоже, кажется, ваше, – наконец сказал он, протягивая Гофману свернутые в листы рукописи.

– Какое чудо! Они уцелели! Мои «Крайне бессвязные мысли», которые я как раз готовил для моего издателя Кунца!

– А-а, значит, ваш кот не соврал...

– Мой кот?! Когда вы успели с ним познакомиться? Ах, неважно... Надеюсь, он в добром здравии? – вскричал Гофман, схватив меня за руки. Но под спокойным взглядом командора тут же выпустил их, жутко смутившись...

– Он в полном порядке, – уверила я, решив, что теперь год не буду мыть руки, и добавила в сторону: – Этот толстый кошак умеет о себе позаботиться.

– Милый моему сердцу Муррхен, я так рад, что крысы его не тронули! Листы же слегка покусаны их мерзкими зубками, но это ничего. Думаю издать сборник «Картинки по Хогарту». Как вам название?

– Может быть, лучше будет звучать «Фантазии в манере Калло»? – громко предположил появившийся неизвестно от-

куда Профессор, с независимым видом попыхивая маленькой трубкой. Ну, наконец-то! А то мы, уже решив, что достаточно вежливых предисловий, как раз собирались спросить писателя, не видел ли он здесь нашего серо-белого питомца, тревога за его шкурку нарастала. – Виргинского табачку, маэстро?

Гофман впал в волнение, и не от говорящего кота, который не щадит чувств писателя мечтающего, чтобы только его Мурр разговаривал, а не чужие толстуны, видно было, что он уже весь находится где-то в другом месте и даже не расслышал про табак, о котором буквально только что так мечтал.

– Восхитительное гармоничное название! Калло – изумительный художник, и даже более того, он гений, я его боготворю, но откуда вы узнали? Что?! Ах, прошу прощения... Где вы тут разжились таким табаком, любезный друг, позвольте?

Агент 013 с достоинством кивнул и протянул ему набитый кисет, даже не глядя на нас с Алексом. Та-ак... Значит, историю о его таинственном исчезновении, блуждании, подвигах и своевременном чудесном появлении лично я услышу не скоро? Ладно, ладно, сочтемся, надутый табачный подхалим...

Когда Гофман наполнил свою трубку и, они с котом, обнявшись, ушли в Марципановый лес, заведя разговоры об отвлеченно-возвышенном, то есть о женщинах. Наш Пусик жаловался на меланхолию и боли в хвосте, а Гофман взды-

хал о своей возлюбленной божественной Юлии и обращался к коту не иначе как «сударь мой». Мы с мужем под ручку шли на два шага сзади...

– Но я не предполагаю физического воссоединения с ней, ведь за сим воспоследует неизбежно царство филистерского быта и смерть всякой поэзии! – жарко заявлял писатель.

– Да, да... Как вы правы, – нагло поддакивал наш кот. – Истинная любовь не должна быть жертвой грубой физиологии. Помню, как-то раз по весне, на крыше...

Вот отгадайте загадку: брешет, а не собака? Правильно, наш агент 013. У меня просто уши порою вянут от его вранья. Жертва грубой физиологии... А у кого жена и трое детей?! Алекс невольно покосился на меня, видимо, в порыве праведных чувств я крепко впилась ему ногтями в руку...

– Извини, дорогой!

– Да ничего...

– И ведь главное, никаких объяснений! Я о Профессоре! – Долго молчать на это вопиющее безобразие было невозможно. – Мы, значит, тут извелись оба, не зная, где он, что с ним. А этот усатый сноб разгуливает себе в конфетном лесу с трубкой в зубах!

– Он любит комфорт, – виновато заступился за напарника мой муж.

Он всегда за него заступает, я привыкла, не страшно, но в данном конкретном случае...

– Да он настоящий филистер! Кстати, милый, ты никогда

не задумывался, почему этому слову придают отрицательное значение? Что плохого в том, чтобы быть мещанином, растить детей, ездить с семьей на пикник, брать в кредит новый диван и мечтать когда-нибудь выиграть в лотерею миллион?

– По-моему, это как тихая и спокойная гавань, мне бы понравилось...

– Только не говори вслух при Гофмане, он жизнь положил на борьбу с этим социальным явлением.

– Не буду, – улыбнулся муж. – Интересно, куда они сейчас направились?

– Какая разница, главное, с агентом 013 все в порядке, – сказала я и не удержалась, чтобы не отметить язвительно: – Кажется, он не страдал без нас? Значит, нагуляется и вернется...

Я посмотрела на Алекса, он пристально глядел вслед удаляющемуся другу. Тот только помахивал хвостом, виляя пухлыми бедрами, а на нас ни разу даже не обернулся.

– И за что мы, женщины, так любим котиков? – сварливо поинтересовалась я, обращаясь исключительно к самой себе.

Мы прождали минут пятнадцать, сплетничая о нашем хвостатом товарище, прежде чем, проводив Гофмана до леса, наш серо-белый полковник вернулся.

– Подлые крысы похитили и его Юлию! – взволнованно сообщил он, вытащив трубку изо рта и тяжело откашлявшись.

Видимо, у котов взаимоотношения с куревом, как у ло-

шадей, сложнее. Чувствуется, что взял трубку только ради задания!

– Откуда информация? – начал командор, но я его перебила:

– Пусик, ты лучше расскажи, куда ты ухитрился пропасть? Мы же прыгнули почти сразу следом за тобой. Мы та-а-ак за тебя волновались...

– Не буду тебе напоминать, милочка, как ты со мной обошлась. – Профессор пристально уставился на меня, чтобы я как следует прочувствовала свою вину. – Ну, хорошо. На тебя бесполезно сердиться. Хотя когда ты швырнула меня в эту дыру, я упал с огромной высоты и ушиб хвост!

– Бедненький! Как я виновата...

Взгляд кота слегка оттаял. А я покосилась на его пушистый хвост, он ничем не отличался от своего обычного состояния. Зримых переломов видно не было. Разве что наш напарник не постукивал им по леденцовой травке после каждой фразы. Обычно так он придавал больше веса своим словам, борясь с моей рассеянностью. Неужели все-таки ему досталось?

Заметив мой хитроватый взгляд, агент 013 спохватился и просто сел на свой хвост. Еще бы, ведь таким способом он лишил меня возможности наступить на него «случайно», для проверки серьезности полученной «травмы»...

– Это было нужно ради дела... С меня два пакета «Вискаса», новые японские детективы, и я больше не буду! – при-

творно извинилась я, борясь с искушением хотя бы потреть его за уши...

– Более того, я свалился на кафельный пол, жестче которого в жизни своей не чувствовал, – продолжал жаловаться кот, но уже более мирным тоном. – Все было словно в тумане, меня окутывал пар. А за занавеской кто-то мылся, я слышал, как льется вода. Нетрудно было догадаться, что это душевая комната. По контурам на занавеске я понял, что это девушка...

– Подробнее? – хрипло попросил Алекс и тут же словил от меня пинка коленом в бедро.

Профессор удовлетворился нашей разборкой и продолжил нагнетать атмосферу:

– Но только я начал отступать к двери, пока не промочил лапки, как эта девица отодвигает шторку и выходит из душа. Спрятаться я не успел, дверь оказалась плотно прикрытой, а прыгнуть на ручку и открыть ее мне просто не дали возможности. Раздался такой дикий визг, словно она увидела мышь!

– Это и была Юлия? Как она выглядит?! – презрительно фыркнула я, награждая мужа еще и тычком под ребра. – Наверняка не идеал! Раньше у многих женщин были кривые ноги, а то зачем бы они носили такие длиннющие юбки.

– С ногами у нее все в порядке, – процедил сквозь зубы кот, скосив глаза на (как бы это поделикатнее...), на основание хвоста. Значит, он действительно получил пинка, и теперь понятно от кого! Ну что ж, она у меня за это ответит. Я

уже давно решила про себя, что пинать Профессора только моя привилегия! И он знает, что любому другому я за это голову оторву... – Только слегка более мускулистые и сильные, чем надо. С такими в футбол хорошо играть. Хотя, возможно, она и играет...

– А... дальше? – опять не сдержался командор.

Еще раз его стукнуть, что ли? А, пусть...

– Больше я ничего сказать не могу по причине воспитанности и такта! – резюмировал кот. – Тем более что ничего я у нее не разглядывал, а поспешил зажмуриться и отвернуться. Как только она прекратила орать, я объяснил ей, что попал сюда во время совершения ею такого интимного действия, как принятие душа, ненамеренно, а исключительно с миссией спасти Гофмана! Она сразу обрадовалась, прикрылась полотенцем и сказала, что ее зовут Юлия. Ее тоже похитили крысы прямо из родительского дома в тот момент, когда она прилежно занималась, разучивая стансы, которые задал ей к следующему уроку ее учитель музыки герр Гофман. Темница у нее довольно роскошная – кроме ванной две комнаты, кухня, где она угостила меня кусочками колбаски, в которой, на мой вкус, было слишком мало сала. Апартаменты со всеми удобствами, но все равно это темница. Я проверил – ни одного окна, а железная дверь накрепко заперта!

– Как же ты оттуда выбрался? – удивился Алекс, я тоже заметила, что кот начал затягивать историю.

– Я и рассказываю. Когда я обнаружил, что выхода нет, то

первым делом облазил кухню и – эврика! – в момент отчаяния вдруг обнаружил то, что и надеялся найти, – крысиную нору! Расширив ее когтями, я с трудом пролез в тоннель и выбрался наружу. О, друзья мои...

– Ты герой! – всхлипнула я и попыталась прижать Профессора к сердцу, он вывернулся и, встряхнувшись, продолжил:

– ...если вы никогда не были в крысиной норе, вы не представляете себе, что это такое. Мне не хватало воздуха, началась клаустрофобия, меня тошнило, я потерял счет времени и не знал, сколько уже длится эта агония, сколько я уже ползу, задыхаясь, а в нос забивается пыль и сухая штукатурка; нора сужается, и я не знаю, вдруг впереди обвал, а назад, против шерсти, мне не вернуться, лаз и так слишком узок для личности моей комплекции, похудеть же так резко удавалось только Винни Пуху, но это сказки... И все эти ужасные минуты только одна мысль упорно билась в моей голове: «Вперед-вперед-вперед!» Я знал, что нельзя останавливаться, нельзя позволить жалости к себе сделать меня слабым, нельзя думать о том, что конечности мои онемели и кислорода больше нет...

Я рыдала, прижимаясь к Алексу, чтобы не видеть скорбной физиономии агента 013.

– Но я вылез, яркий свет ослепил меня, а от чистого лесного воздуха с высоким содержанием кислорода закружилась голова. Не знаю, сколько я провалялся без сознания, очнувшись

шись же, прислушался к кошачьей интуиции, которая и вывела меня безотказно к вам. На прощание Юлия дала мне трубку и кисет с табаком, попросив поделиться с Гофманом, когда встречусь с ним. «Я знаю, он всегда нуждается в табаке, но забывает запастись им заранее», – сказала она. Я честно волок этот табак по всему тоннелю...

– Ты, как всегда, успел больше нас. Мы только сразились с крысами. Взяли в плен их генерала. Потом вынужденно отпустили. Алекс успел испытать клиническую смерть... эм... сражение было таким жарким, что мы могли не вернуться с поля боя. У них не только когти и зубы, но и торты с взрывчаткой вместо крем-брюле. А потом мы по очереди...

Но кот свою историю рассказал, а слушать нас ему было неинтересно.

– Друзья, меньше слов, больше дела. Время не ждет, мы должны спасти Юлию! – провозгласил он, быстро вспрыгнув к командору на руки.

– А зачем нам это? – спросила я и сама себе удивилась, это ведь наша работа – спасти всех кого ни попадая, но больше меня изумило то, что я услышала в своем голосе ревность...

– Ах да, она же его Муза! В «Житейских воззрениях...» он превозносит ее до небес, а она ни разу делом не доказывает, что достойна такого преклонения мастера. Несмотря на все его уверения, что Юлия вся такая исключительная, по тексту ясно как божий день – весьма посредственная девица.

От агента 013 мой язвительный тон не ускользнул.

– Ты что, успела влюбиться и в Гофмана? – мигом поддел он.

– С чего ты взял?! Да ничего подобного! Ну-у... в его произведения, может быть, но к нему... это просто восхищение его творчеством, а не им... – пролепетала я, переводя умоляющий взгляд с Алекса на кота. – Как к родственной душе, сумевшей выразить словами то, что таится у меня в сердце!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.